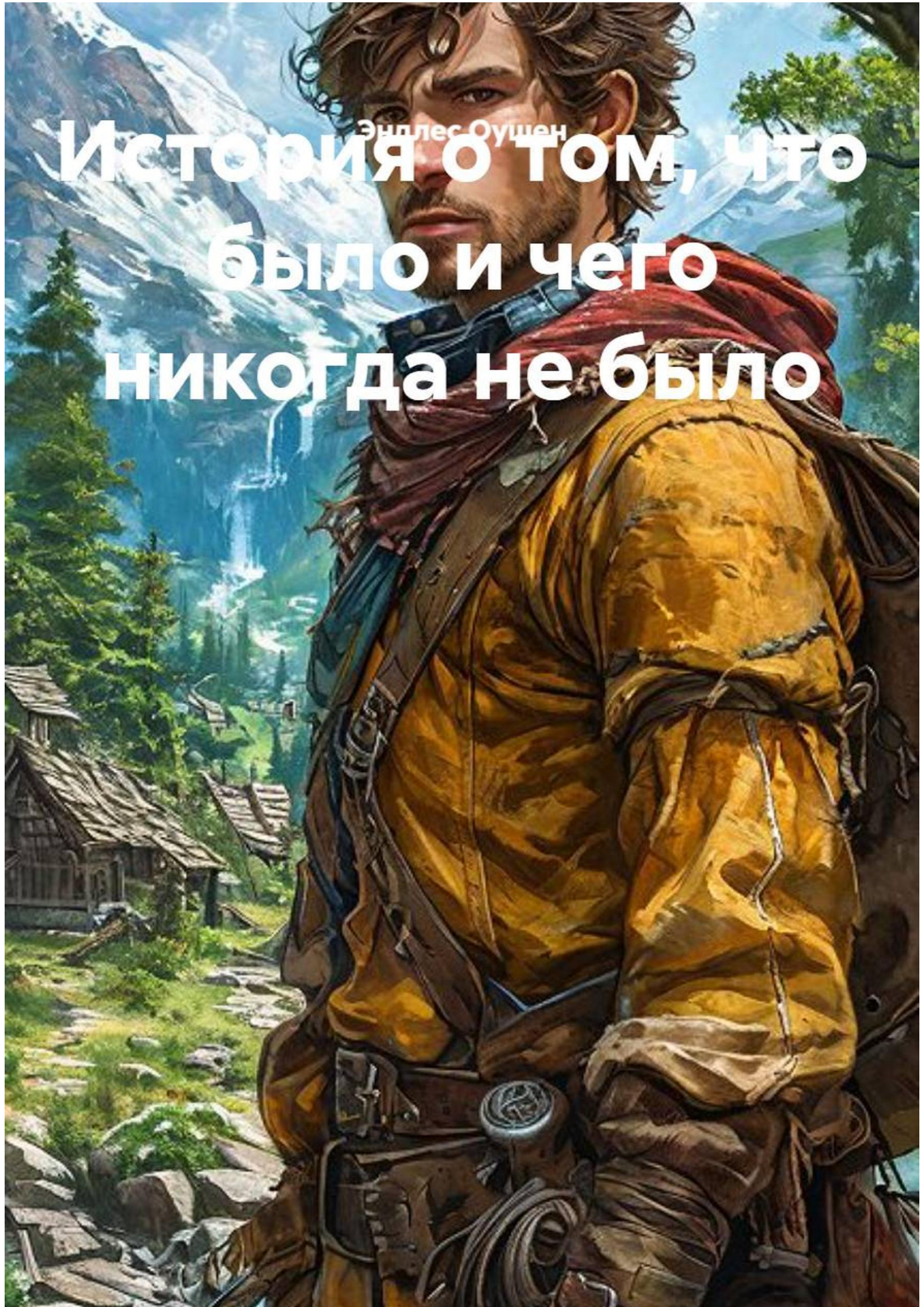

Эндлес Оушен

История о том, что было и чего никогда не было

Эндлес Оушен

**История о том, что было
и чего никогда не было**

«Автор»

2026

Оушен Э.

История о том, что было и чего никогда не было / Э. Оушен —
«Автор», 2026

Эрулан — необычный парень из глухой деревни. Он невероятно силён, наивен и верит, что его дар дан для защиты. Но одна встреча переворачивает всё. Вскрывается тайна его рождения, и оказывается, что его настоящие родители — не люди, а нечто древнее и могущественное, оставившее ему лишь два загадочных камня. С попутчиками — бардом, чьи слова волшебны, и чудаковатой грибной учёной — Эрулан отправляется в путь. Ему предстоит столкнуться с миром, где реки текут вспять, тени оживают, чудища повсюду, а каждое сказанное слово может стать заклинанием или проклятьем. Чтобы найти ответы, ему придётся пройти через боль, вину и познать цену своей силы. Потому что в конце пути его ждёт не просто встреча с родителями, а выбор, от которого зависит судьба всего сущего.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Эндлес Оушен

История о том, что было и чего никогда не было

Глава 1

— На получай! — закричал молодой парень и ударил, размахнувшись кулаком, целясь в голову. Стоял он по колено в воде и не мог вертко и шустро двигаться как на земле.

— Сам получай! — успев увернуться от опасной атаки лишь на пол вершка, водяной сам нанес удар шестипалым кулаком. Его движение были неуклюжи, однако он умудрялся попадать по молодому человеку, выбивая из того дохи и ахи. Бой длился долго, но никто не хотел сдаваться. Дело было утром у запруды, а потому всё ещё стелился легкий туман, не позволявший увидеть дальше одиннадцати шагов, если смотреть с солнечной стороны. Вдали за перевалом квакали редкие лягушки, а кругом стоял сырой запах водорослей и сыти. Скоро уж рассвет.

— Ты думаешь, что дамся я тебе? Ха! Ищи другого дурака! — сказал водяной и присев, ударил парня в живот. Приложил он много силы и хотел этим закончить драку и затем удрать, пока противник будет отхаркивать и отплевывать свои потроха.

— Оп! — выдохнул парень, принимая удар в живот. Однако не стал он падать в воду, а наоборот стоял на ногах ровно и уверенно. Водяной же в этот момент почувствовал, что не может вернуть свою руку обратно, её что-то держало.

— Пусти дурак! — завопил он, осознавая, что попался.

— Вот уж, нет уж! — улыбаясь проговорил парень. Наконец у него появился шанс, который нельзя было упускать. Обхватив скользкую, покрытую редкой чешуёй, руку водяного он отклонился чуть назад. Затем выставил одну ногу в сторону для лучшего движения, как учил его дед, и начал скручиваться вбок.

— Раз, два, три, — начал считать он вслух, не убавляя силы в руках. Парень раскрутился на месте и за собой потащил водяного. Он набрал скорость, удерживая руку противника, и смог вырвать того из воды. Сделав не менее пяти оборотов вокруг себя, он отпустил водяного, и тот полетел далеко в сторону от запруды.

Преодолев более десяти саженей в своём неуклюжем и нежеланном первом в его жизни полете, водяной угодил в кусты и переломал там все ветки. Молодые побеги и сочные листья были беспощадно смяты жирной тушей, но скоро они смогут вырасти вновь. Распугав сверчков и редких пауков, что облюбовали себе эти заросли, водяной постарался встать на ноги. Теперь он больше не касался воды, и ему стало тяжело. Он оторвал пузо от земли, но только успел поднять голову от земли, как его подхватила крепкая рука и заставила подняться. Это был парень, который отправил его в полёт.

Водяной перевел взгляд вверх и вновь посмотрел на противное ему физиономию. Ровные пряди каштановых волос, чуть мокрые от брызг и тумана, свисали по сторонам прямоугольного лица. Высокий, ровный лоб и нос прямой, словно ствол молодой березы. Губы, напитанные кровью и жизнью, а между ними ровные и белые зубы. На поджаром теле висела промокшая от воды рубаха. Парень улыбался, а в тумане казалось, уже мелькают первые лучи рассвета.

— Ну и урод же ты! Кто ж тебе таким на свет позволил явиться? — не мог водяной не задать вопрос. Его жирные, маслянистые пальцы впивались в руку молодого человека, стараясь разжать её. Однако все усилия его было тщетны.

— Будешь еще девушек по утрам и вечерам пугать? Будешь одежду с постирки воровать? Отвечай?

— А тебе то что? Как таскал, так и буду таскать. Пугал и буду пугать. Мне ни ты, никто другой нипочем! Нам люди не указ. Ясно тебе? — вопил водяной, но убежать или скрыться от неминуемого суда уже не мог.

— Так значит? — рассмеялся юноша и принялся давать пощечины по рыбьей роже ослабленной кистью свободной руки. Бил он, почти не вкладывая силы, но оттого приятнее водяному не становилось. Спустя пару минут задал он вопрос вновь:

— Будешь ходить и девок пугать?

— Не путу, — еле произнес водяной распухшими губами. В глазах же его играла обида, злоба и гнев.

— Ой, не верится мне, — сказал парень и принялся дальше отвешивать пощечины. Он знал по опыту, что обычной порки мало будет, и чудо это вновь прибежит за девушками, когда те пойдут стирать.

— Будешь еще? — вновь задал он вопрос, когда уже стало невозможно различать, где рот, а где нос на лице. Глаза стали двумя тонкими щелочками, сквозь которые могли просочиться лишь слезы.

— Пхет. Я понял, — донесся не разборчивый голос из опухшей морды. Водяной еле стоял на дрожащих ногах.

— То-то же, — сказал парень и отпустил его. — Запомни. Придут снова жаловаться на тебя, я последние зубы твои повыдергиваю и будешь их носить как ожерелье на шее и хвататься своим.

Подойдя к дереву и оттряхнув висевший на сучке грешневик, парень причесал растрёпанные волосы рукой и надел головной убор. Одежда была сырая, но он не чувствовал холода или озноба. Между толстыми переплетениями листьев уже начинали пробегать первые лучи солнца. Они резали туман и рассеивали темноту. Признаки того, что будет теплый, безоблачный день и приятная погода.

— Убирайся в своё болото и там сиди, — юноша вновь обратился к водяному, — Это я — Эрулан тебе сказал. Живи мирно и тогда любить тебя будут, а коль живешь как балбес, так балбесом и останешься.

Повернувшись спиной к неровной запруде, он направился домой, где его уже ждали бабушка с дедом и кот Матвейка. Водяной же остался лежать на траве, пропитанной росой. Он пытался прийти в себя до того момента, как его заметят и обсмеют.

Эрулан возвращался в деревню по тропинки. По левую руку от него был небольшой перелесок, а длинное поле тянулось по правую. Озимая пшеница, посеянная еще осенью, совсем скоро начнёт желтеть, но пока зеленые волны перекатывались под согревающим солнцем.

Вот показались огороды, загороженные длинными досками и жердями, для защиты от коров и местных неугомонных ребятишек. Утро в деревне начинается рано: кто-то уже рыхлит землю, пропалывает сорняки, чистит мотыги от налипшей грязи. А вот и сами толстобокые коровы идут на молодые луга пастись. Меж ними бегают и бодаются два телёнка, которых пустили со стадом. За ними на старой лошади едет пастух, Митька, в сопровождении пса Ольховки. Митька — мужичек лет пятидесяти с легкой щетиной и таким же легким тулупчиком, который он носит с конца зима, до начала новой. Сколько себя помнил Эрулан, Митька всю жизнь только и пас скот, а зимой пропадал на пять месяцев, прятался от морозов как запасливый медведь в берлоге.

— Здоров, ну шо? Разобрался с чертом этим? — сразу спрашивает пастух новости. Он уже знает все вчерашние сплетни и слухи, а потому рад чему-то новому.

— И тебе привет. Да, больше пугать девушек не будет зараза, — отвечает Эрулан, почесывая за ухом верного, худого, пастушьего пса. Тот вечно гоняет куриц, однако за воровством замечен не был. Митька сразу же принимается рассказывать, что было недавно в деревне и что он только-только услышал. Он очень охотлив до всякого необычного, а такого и правда

случается немало в последние годы. Парень рад выслушать Митьку, потому как, и он порой говорит что-то важное.

— ...И вот так они утащили всё с сарая Авдотьи. А еще говорят, что на днях к нам в деревню прибудет артист или бард какой-то. Мол он уже полмира обошёл и тайны всякие знает, а потому готов и нам поведать чего-нибудь. Приедет вместе с месячными торговцами скорее всего. А еще слышал, что... — но не успевает пастух договорить, Эрулан показывает рукой на коров, забредших на поля.

— Там твои красавицы сейчас озимые потопчут.

— Ах, вы ж суки туполобые! Ах, скотина непослушная! Да я вас чертей таких выпорю! — с руганью и криками Митька бросается к коровам. Те уже привыкли к его сорванному голосу, а потому стараются набить брюхо молодой и сочной порослью, пока есть время.

Эрулан провожает взглядом болтливого пастуха и идёт дальше в деревню. Вот показались и дома. Разного года и обветшалости деревянные постройки выстраиваются в неровные ряды улиц. Его родная и любимая всем сердцем деревня. Слышно кукареканье петухов и перекликивание певчих птиц. С зарей они уже не будут петь ночные серенады, но птенцов будить пора. Местные радостно, а некоторые сонно, но всё равно с большой охотой приветствуют Эрулана. Видно еще немногих опоздавших, которые идут на огороды до момента, пока солнце не начало печь и не прогнало с земли по домам. Попадаются и редкие рыбаки, обычно по двое.

— Улов сегодня будет хороший, — думает про себя парень, — не зря же водяного отхлестал.

Подходя к дому, он уже чувствует запах выпечки. Бабушка встала сегодня рано и готовит на весь день. На подходе к крыльцу его встречает Матвейка. Кот еще пока спит на старой и мятой одежде деда. «Не выкидывать же!» — вспоминает юноша слова старика, которого бабушка насильно заставила сменить дырявый тулуп. В нос парню ударяет теплый запах, стоило Эрулану открыть дверь. Вместе с запахом еды доносится и голос бабушки:

— Уже вернулся. Как там всё прошло? Не поранился? Сходи пока умойся, а потом пойдем завтракать. Дед набрал воды вчера, должно хватить.

— Хорошо, — говорит парень и отправляется к кадушке. В ней прозрачная и еще холодная вода переливается бликами. Сняв с себя воняющую рыбой и водорослями одежду, парень умывает голову и торс, а мокрые волосы зачесывает назад. Вода освежает и будит, смывает успевшую налипнуть грязь и пыль дороги. В каплях воды, которые бегут по двум линиям шелковистых бровей, что от влаги стали казаться черными, мелькало отражение. Волосы резко контрастировали с голубыми, как небесная даль глазами. Скулы, что заточенные косы, и подбородок, выточенный из цельного куска камня, дополняли картину. Чистая и чуть загорелая, как медь кожа. Вытершись мягким полотенцем, Эрулан зашёл в дом. На столе блины и пирожки с чем-то сладким, в центре стола посуда с горячей кашей и свежесваренный, ароматный чай. Бабушка на крыльце за что-то выговаривает и журит кота-проказника.

Парень заходит к дедушке в комнату. Тот тоже встал рано и теперь выстругивает ножом какую-то игрушку из дерева. Движения у него отточенные и легкие, несмотря на возраст и проявляющуюся всё чаще слабость в руках. Небольшой, но острый ножичек умело зажат между тонкими пальцами левой руки, а в правой из стороны в сторону вертится заготовка. Она будто живая птичка желает упорхнуть из его рук, но хитрые пальцы не пускают её на свободу. Еще рано. Движение лезвием здесь, небольшой загиб тут, переход сюда и скол в этой части — касания ножа об дерево вытачивают контуры птенца. Дедушка, кажется, не моргает даже, и всё у него выходит лучше и лучше. Много раз видел уже Эрулан, как творит он свои чудеса, но так и не смог понять в чем его секрет.

— Вот и готово, — разносится хриловатый, но добродушный голос. Дедушка закончил работу и теперь любителю поделкой в лучах ласкающего утреннего солнца. Маленькая птичка с длинным и тонким хвостиком. Горсть соли насып на кончик, и она уже не сможет взлететь.

Сделано очень ладно да красиво. Дедушка осматривает и вращает в руке поделку, а потом зажимает её между ладоней и вдыхает. Этот момент нравится Эрулану больше всего. Со всей силы дедушка выдыхает в сжатые ладони воздух и раздаётся свист. Звук этот необычный и непривычный слуху, не похож он на пастуха свист, не такой певчий как у скворцов и соловьёв. Он по-своему особый, неповторимый и волшебный. Разносится он по всему дому и долетает аж до соседей улицы. Выдохнув всё, что смог собрать в груди, дедушка раскрывает ладони. В руках у него уже не деревянная игрушка, а самая настоящая птичка, что раскачивает своим хвостом и осматривается по сторонам. Глаза у нее черные, а перья серые, за исключением кончика хвоста. Тот будто окунули в чернила для письма.

Дедушка осматривает еще раз свое чудо и открыв форточку выпускает его на свободу. Птичка вспархивает, пискнув что-то напоследок. Откуда-то со двора сразу доносится кряхтение и фыркание кота. Он увидел новую добычу, но не успел притаиться, и теперь ему остаётся только провожать её взглядом. Сам то он уже сыт, утащил целый блин у отвлекшейся бабушки, но внутренний охотник и зверь всегда хочет еще.

— Итак, разобрался с водяным? — спрашивает дедушка, восстанавливая силы после чудесного дела и попивая чай из большой кружки, над которой поднимаются клубы пара. С кашей они уже разобрались, и сейчас пробуют сладкие пирожки.

— Ага, — отвечает юноша. — Он сначала даже выходить не хотел, а потом наоборот убежать пытался, но я его перехитрил, как ты и говорил дед. А когда он на земле оказался, я ему пощечин отвесил на будущее. Теперь не скоро он повадится к девушкам приставать.

— Хм, — дедушка хмурится и смотрит на стол, — не стоило его пускать. Сидел бы он лучше в клетке. Так бы и вреда никому не причинил.

— Да, ты прав, — соглашается парень, но продолжает говорить. — Он, конечно, опасный, но вреда много не причиняет, так что пусть себе сидит дома. Я его на болото отправил.

— Всё равно вернётся, — не унимается дедушка, — не вытерпит он один там с лягушками и ему подобными. Ты ему пощечины, а он тебе потом воду намутит. Может сделать что-то исподтишка. Что выйдет от такой победы?

— Но! — Эрулан ставит кружку с чаем на стол и встаёт, — Я так решил. Я победил его сам. Встал до рассвета и нашел его у запруды. Всё это сделал сам, а потому и решил его отпустить. Это моё решение.

— О как, — отвечает дед, — А нос дорос до таких решений, а?

Юноша не двигается и смотрит на деда, допивающего чай. Тот никуда не спешит и наслаждается пирогами. Сжав кулак с силой, парень говорит:

— Я пойду. Спасибо бабуль.

Эрулан вышел во двор и принялся рубить дрова. Здоровенный колун в его руках порхает словно веточка. С одного удара он раскалывает на части даже ясень и дуб. Во все стороны летят деревянные щепки, что пойдут теперь только на растопку. Парень замечает, что к нему идёт бабушка и немного успокаивается, но продолжает колоть дрова.

— Солнце моё, ну что же так не осторожно? Потом придется по всему двору собирать, — говорит бабушка, подбирая по пути самые большие кусочки.

— Да, ничего, я соберу, — отвечает парень, раскалывая новое полено.

— Ты молодец, что начал дрова колоть. Вот я вечером баню нагрее, и попарись, — голос бабушки успокаивает, — Помиришься с дедушкой, ты же понимаешь, он не со зла. Он так знает, он мудрый.

— Мудрый? Достало, что меня он не слушает! Тут так не сделал, тут это не вышло. А я ведь один на всю деревню, кто может с этими существами бороться. Вон Егорка, когда в гнездо полез к кукухам, и что с ним стало? Теперь ходит дурачком. А я разобрался с ними. Или, когда в сарае у бабы Софии коровы стали пугаться, так я ведь надрал уши тресго, маленькому

сорванцу. А деду всё мало и всё не так, — Эрулан не заметил, как голыми руками разорвал на двое толстое полено, которое должен был разрубить колуном. Побросав готовые дрова в кучу к остальным, он принялся работать дальше.

— Он знает, что ты могучий и большой молодец, — снова заговорила бабушка, — Он видит, как ты стараешься. Ему хочется лишь помочь тебе, чем он может: умом своим и нажитым опытом. Только хороший отец хочет сделать сына лучше себя. Пойми его и сходи помирись, ради меня. Хорошо, Солнце?

— Да, бабушка, — отвечает ей парень, выдохнув весь гнев из груди, — Я схожу к нему.

— Вот и славно. А я на обед сделаю вам курник. Ты же любишь побольше картошки?

— Ну и мяса побольше можно.

— И теста побольше, да? — примечает бабушка с улыбкой на губах.

— Всего побольше, — также начинает улыбаться ей в ответ парень.

Зайдя в дом, парень видит дедушку, который всё еще пьет чай. Он не ушел с места, а только поменял позу, отчего лучи солнца сейчас согревают его чуть сторбленную спину. Заметив юношу, дедушка заговорил первым:

— Все дрова переколол?

— Ага, — неохотно отвечает тот.

— Хорошо, тогда завтра ходим в лес, наберём еще. Нам пригодятся новые.

— Дедушка? — после недолгого молчания, говорит Эрулан.

— Слушаю тебя.

— Прости... я не хотел. Я знаю, что ты старше и мудрее... Но я думаю, что поступил неплохо. Если вдруг что-то случится, то я буду готов всё исправить.

— Эх, — вздыхает дедушка, — дело не в том, хорошо или плохо ты поступил. Часто бывает, что поступки наши, даже будучи совершенными во благо, после приносят нам лишь сожаления. Их бывает очень трудно исправить, а ещё сложнее принять на себя выпавшую ответственность.

Старик посмотрел на юношу, но в глазах того читалось лишь легкое нетерпение. Дедушка решил, что на примере парень поймет лучше, потому вновь заговорил:

— Вот, твой водяной не так страшен, хотя гоняет девок от воды.

— Он не мой, — возразил Эрулан.

— Хорошо, любой водяной, — продолжил старик монотонно, — Но вот представь, что он бы не просто под юбки девкам залезал, но еще и губил бы их? Утаскивал на дно? Али что и похуже? Что же ты тогда сделал?

— Не знаю, — ответил парень, — быть может наподдал бы ему посильнее, чтобы он из своего болота не вылазил и даже мыслей таких не искал.

— А если бы он снова пришел и девчонку на дно утащил? Что тогда? Выходит, что ты своим бездействием и убил её. Так что же будешь делать, когда родители её придут к тебе и спросят, отчего ты водяного не пришиб сразу? Что ответишь?

— Но ведь нельзя убивать почем зря. Будь хоть человек, хоть жуть какая, хоть зверь обычный. Бабушка же так учила.

— А вот не знают они таких правил. Не было у них бабушки, такой же хорошей как у тебя. Что же делать будешь? — вновь задавал вопросы дедушка.

— Побью их и скажу, чтобы не делали такого, а то приду снова к ним, — сказал парень, махая кулаками перед собой, — Пусть все боятся, тогда никто не будет злодейства вершить.

— А как же ты уследишь за всеми? Неужто бегать будешь по всему миру и кулаками махать всю жизнь?

— Не знаю, — ответил Эрулан и стал почесывать голову, — А что бы ты сделал деда?

— А вот и подумай. На что тебе голова на плечах? — сказал дедушка и встал, допив остатки чая, — Пойдем на двор, много дел еще до вечера надо успеть, а вечером пойдешь погуляешь.

Глава 2

Этим же вечером, когда солнце еще не скрылось за горизонтом, но уже окрасило всё в бордовые оттенки, Эрулан отправился на посиделки. Погода была теплая, а потому вся молодая поросль деревни собиралась за домом Леньки Старопыха. Это был мужчина лет пятидесяти, который любил часто выпить, оттого и дела у него шли не очень. Однако бывали дни, когда он брал себя в руки. Так вот, однажды прямо под конец зимы, он решился сделать заготовку дров. Договорился с местными и смог-таки подвести к себе на задворки несколько сот длинных и неотесанных деревьев. Но как бывает в большинстве случаев, здесь его мотивация и закончилась. Он запил и всю зиму не появлялся на улице, а весной он уже топить дровами не мог, потому как дерево отсырело и требовало сушки. Осенью же он снова запил, а потому оставил свой запас дров до следующего сезона. Так повторял ежегодно. Местные же сразу облюбовали это место и теперь каждый вечер устраивали здесь посиделки.

Эрулан пришел среди последних, однако место его было свободно. Он сидел не высоко, и обычно слева от него всегда оказывались милые и своенравные девушки. Эрулан выступал своего рода границей, отделявших два пола друг от друга. Они переговаривались и шептались, но большую часть их болтовни юноша не понимал, потому как был занят своими мыслями. Вместе с парнями он обсуждал, что было нового и как могло такое случиться. Зачастую разговоры сводились к тому, смог бы Эрулан победить и как быстро он это сделал. Молодые люди очень хвалились и радовались, что среди них есть такой сильный парень.

Бывало, что из соседних сёл приходили новенькие. Их целью были красавицы с местной деревни, однако между ними всегда стояла одна непреодолимая преграда — Эрулан. Было заведено, что коли старший не давал своего разрешения, то и чужакам не позволялось свободно разгуливать. Очень уж не любили здесь подобных вещей, а потому появилось негласное правило — перед тем как пойти знакомиться с девушками, надо было помериться силой с парнями и заслужить их одобрение. Были конечно и те, кто пытался сделать всё под шумок, но таких ловили и вчесывали им такой нагоняй, что те больше не показывались.

Однако сегодня кое-что изменилось: на посиделки без спросу пришли чужаки с соседнего села, Отёвки. Было их больше двух дюжин и все с очень довольным и смелым видом, что не могло не насторожить местных. Добравшись до места сбора, из толпы вышел стройный юноша и громко сказал:

— Эрулан, мы пришли к тебе с делом! Правда, что если одолеть любого из ваших парней в драке, то можно будет ходить к вам и вашим девкам?

— Это так. Коль есть у тебя сила, то можешь быть среди нас, — четко и звонко ответил ему Эрулан, но голос не повышал.

— А что же будет, если тебя одолеет кто? Выходит, он будет решать, кому можно приходить, а кому нельзя? — не унимался юноша. Его карие скошенные глаза пробежали по толпе, выискивая недовольных. Он был тем еще плутом, а звали его Игнат.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся Эрулан, да так заливисто, что девушки, сидящие рядом, тоже принялись улыбаться, а у парней зачесались кулаки, — Ты знаешь, что обо мне говорят. Коль одолеет кто, то моё место уступлю и буду слушаться его. Однако ж знай, что и получишь ты от меня знатно. Щадить за дерзость не буду.

— Нет, это не я! — ответил Игнат, и на спине его выступили холодные капли пота. Он знал, насколько опасен Эрулан и что тот может учудить на горячую голову. О нем ходило множество разговоров и даже небылиц. Лет десять назад в один из последних дней осени, на подобных же посиделках, на людей из лесу выбежал облезлый и худой медведь-шатун. Он видимо не смог уснуть, не накопив жир за лето, а потому появился в селение, надеясь на легкую добычу.

Не тут то было! Эрулан в одиночку вышел и, сломав зверю передние лапы, задушил его. После того боя он и стал главным на посиделках и не уступал своего места никому до сих пор.

— Нет, куда уж мне, — продолжил парень, — кое-кто другой выйдет против тебя. И мы надеемся, что ты не откажешься от своего решения.

Стоило словам парня слететь с его языка, как толпа прибывших расступилась, и вышел боец без рубахи. Сначала ничего особого не заметил Эрулан, но приглядевшись понял, в чем было дело: руки были слишком уж длинные. Они вырастали из поразительно развитых мышц плеч и спины, которая от этого выглядела горбатой. Руки свисали по бокам его тела, перевитые будто жгутами, и доставали почти до щиколоток. Боец был очень опасен, что проявлялось в его тупом взгляде и животном блеске в глазах.

Эрулан был удивлен, что они смогли найти кого-то подобного и всё лишь ради его места. Предвкушение и желание опробовать новое проявились на его лице. Он скинул головной убор рядом сидящему товарищу и встал, разминая плечи. За ним встали и все сидевшие, включая как парней, так и девушек.

— Эру, быть может, не стоит? Опасный он какой-то, — перестав обниматься с рыженькой девчушкой, сказал юноша с зелеными глазами, подходя сзади. Он был первым, после Эрулана, а также главной его поддержкой в подобные моменты.

— Неа, — улыбка всё больше росла на лице Эрулана, — Гриша, я его положу. Или не веришь мне?

— Верю, просто будь аккуратен. Что-то они затеяли, — сказал Григорий и отступил назад, не мешая другу. Парни окружили двух бойцов, разделившись ровно на два полукруга. Они не смешивались между собой, но внутрь никого другого не допускали. Тихие, редкие переговоры слышались между ними, но в полный голос никто не озвучивал свои мысли и сомнения.

— Деремся до потери мысли или пока не сдастся кто. В глаза и пах не бить и не тыкать, не хватать, чтобы дети были, а в остальном полная свобода, согласен? — спросил Эрулан похрустывая кулаками.

— Да, Леша согласен, — ответил кареглазый, вместо бойца.

— А сам он что, язык проглотил? — спросил Григорий из толпы. На него сразу же бросил агрессивный взгляд Игнат, однако ничего не сделал, но видно запомнил того как недруга.

— Согласен, — ответил боец гортанным голосом и поднял руки к голове. Кулаки его ничем не уступали двум поспевшим дыням, а руки по длине и толщине походили больше на дубовые бревна. Он слегка раскачивал головой, но ничем более не двигал. Эрулан же в свою очередь также поднял руки повыше, защищая голову, но перемещался прыжками. Тело его не было огромным, да и мышцы не выпирали из-под рубахи, но был он сложен очень ладно.

— Начали! — прокричал Игнат, и бойцы сошлись. Леша сразу же размахнулся и ударил наотмашь особо не целясь. Эрулан решил принять первый удар, чтобы понять силу соперника и быть готовым к будущему, однако дальнейшего он не ожидал. Когда в него врезался здоровенный кулачище, то он не смог удержаться на месте и был отправлен в полет. Он словно снаряд вылетел из образованного людьми круга и пролетел еще пару саженей, прежде чем остановился, перекатываясь по земле. Толпа замерла и многие стали оборачиваться, чтобы понять, что стало с Эруланом.

— Ясно, — сказал юноша, встал и, отряхнувшись от пыли, снова зашел в круг. Он заново прикрыл голову руками и приготовился к бою. Оба бойца делали замахи и выпады, били и уворачивались. Эрулан попадал редко, потому как длинные руки противника не позволяли ему приблизиться, еще один удар такой силы будет совсем не к месту. Хватало и того, что при каждом увороте от этих кулачищ по коже Эрулана пробегал ветерок. Однако его удары не имели толку: попадал он в основном сбоку, в туловище или в руку, и в такие моменты ощущал, что скорее бьет по старому, закаменелому дереву, нежели по мышцам человека.

Бой продолжался более десяти минут. Противники застряли, не приходя к результату, но глаза Эрулана начал заливать пот. Ему приходилось двигаться куда больше, уворачиваясь от ударов и пытаясь нанести хоть какой-то урон своими атаками. Накопившаяся усталость дала о себе знать, и он пропустил удар снизу. Огромный кулачище скользнул вдоль его руки и угодил ему под дых, отчего он не успел среагировать на серию других атак, которую завершил сильнейший выпад, вновь отправивший его за пределы круга. Эрулан лежал на земле и чувствовал боль в груди, руках и голове. Ему не хватало сил, чтобы пробиться сквозь толстые мышцы, а потому он не мог нанести стоящий удар.

— Похоже, что это все. А ведь ты был так близко, — ехидничая, говорил Игнат, — Итак, теперь главный тут Леша, а значит...

— Подожди! — сказал Эрулан, поднимаясь, — Я только начал.

После слов Игната в голову ему пришла одна светлая мысль, а потому он снова рвался в бой. Он заметил, что здоровяк очень тяжело дышал и толком не двигался по площадке, а значит нужно было перейти в близкий бою. Пройдя в круг, он поднял кулаки, закрывая голову, но в этот раз куда выше обычного. Он чуть присел, и казалось приготовился к прыжку.

— Пф, дурачок, — шепотом насмеялся Игнат, — если он надеется завалить Лешку, то мы победили. У Леша каменные мышцы, тем более что он не обычный человек.

Здоровяк вновь сделал размашистый удар, надеясь покончить уже с назойливым противником одним разом. Он собрал всю силу в едином движении и ударил, но кулак прошел по касательной, лишь поцарапав руку Эрулана. Юноша отклонил выпад и приблизился к Леше, но вместо ожидаемой попытки схватить или бороться, он сделал новое движение. Эрулан ударил точно в грудь локтем.

Со стороны могло показаться, что удар не был таким уж сильным, однако на деле же, всё обстояло иначе. Леша почувствовал укол острой боли, который выбил у него воздух из легких. От чего он не смог сразу собраться с мыслями, а потому пропустил еще один удар, но теперь уже в живот. Завершилось же серия атак ударом в районе шеи. Упав на колени, Леша стал отхаркиваться и пытался отдышаться, переживая непривычную боль в груди.

— Эй, вставай! Он тебя всего пару раз коснулся. Ты чего?! — закричал Игнат, не понимая, что могло свалить такого здоровяка.

— Да, вставай. Я понял как с тобой драться. Пора заканчивать этот балаган, — сказал Эрулан, вновь принимая стойку.

— Давай! — взревел Леша и, раскинув здоровенные руки по бокам, рванул к юноше навстречу. Стоило тому оказаться между ручищами, как он сжал их, в попытке обхватить парня. Попади в этот захват обычный человек и уже ничего не помогло и не спасло бы его. Однако вместо привычного мягкого и податливого тела, Леша почувствовал, что его руки удерживаются на месте, а затем ощутил сильный удар в челюсть. Эрулан воспользовался открытой атакой противника и разбежавшись нанес удар коленом тому в голову. Слюни, сопли и осколки зубов с кровью полетели наружу.

Леша не способный понимать, где он сейчас находится и что делает, упал на землю с закатившимися глазами. Над ним стоял юноша, что вновь смог доказать, что нет никого сильнее его в округе. Толпа начала ликовать и скандировать имя победителя. Прибывшие гости почувствовали себя не в своей тарелке. Даже их временное численное преимущество не давало им уверенности.

Эрулан посмотрел на поникшие головы гостей и забрал головной убор обратно. Его взгляд пересёкся с Григорием, который о чем-то спрашивал его без слов. Эрулан в немом вопросе поднял бровь, но решив, что хуже все равно не будет, дал отмашку на любые задумки. Получив добро, Гриша сказал громко, чтобы все услышали:

— После такого славного боя будет негоже вам уходить к себе обратно, да и поздно уже. Предлагаю остаться на посиделках и обсудить, что нового было у вас и у нас. Эрулан, ты что думаешь?

— Ага, — ответил тот, улыбнувшись, — айда гулять. Ночи нынче светлые и теплые.

Так гости остались на ночь, принявшись болтать с местными и отдыхать. Говорили обо всем: кто выловил большую рыбу, из-за кого вчерась коровы заблудились в соседнем лесу, прошедший бой и многое другое. Стали слышны шутки, и кто-то зачинал петь. Эрулан сидел на своём месте и моментами присоединялся к общему потоку.

— И что такой как ты делал среди остальных? — спросил Эрулан у бывшего соперника, когда все стали успокаиваться.

— Так ты заметил? — спросил у него Леша.

— Было сложно не понять, — рассмеялся юноша, — Не многие могут выдержать мой удар, но еще меньше тех, кто сам способен отправить меня в полёт. Так кто же ты? Обещаюсь никому не говорить, коль спросят.

— Я Леший, — ответил Леша, — точнее двоюродный внук по сестре. Вот дед был самым что ни есть лесным Леший, а я вот только силу его, да крепкое здоровье перенял.

— Ага, — почесывая шелковистые волосы, бормотал Эрулан, — ну я бы не сказал, что ты обыкновенный человек. А что по лесу знаешь? Не тянет?

— Тянет, — вздыхал Леша, — Как зайду, бывало в чашу самую, так на душе спокойно становится. И слышу, как высокие деревья дышат, молодая трава растёт, сочный мох по пням да коре ползёт, живность разная затаилась и ждёт, а воздух течёт и двигается. Не то что в деревне. Тут же сидим мы на мертвых бревнах, а в домах ходим по мертвым доскам да полам. И заперты все и нет ничего путного. А там небо и земля, эх...

— А что же ты не уйдешь в леса насовсем?

— Да, а что мне там одному то делать? — раздосадовано отвечает Леша и пинает босой ногой землю, — Там же нет женщин, а тело просит, сердце зовёт, душа стонет. Вот и сюда пришел с ребятами. Игнат сказал, если разберемся с тобой, то женщины будут мне. Да только без толку всё. Кто ж со мной пойдёт?

— Всякая девушка есть... — задумчиво говорит Эрулан, — Ищи и точно найдешь кого. Может она только и ждет, чтобы такой сильный и добрый молодец, пригласил её убежать от всех проблем и напастей в лес. Ей же главное, чтобы ты любил её, так мне бабушка говорила. Так что ищи и обязательно найдешь.

Закончились посиделки с розовой зарёй. Парни, что при первой встрече бросали колющие взгляды друг на дружку, сейчас расходились обнявшись и распевая песни. Некоторые даже провожали девушек домой, однако Григорий проследил, чтобы гости многого себе не позволяли. Не их тут земля, так что и хотеть они ничего не могут.

Проснувшись на следующий день только к обеду, Эрулан сидел с бабушкой и дедушкой за столом. Была приготовлена печенная картошка и свежая подсоленная рыба с грибами. По комнате разносился теплый и чуть влажный запах, смешанный с запахом мелко порубленных трав. Дедушка успел сходить наловить с утра десяток рыбёшек, которые были уже разделаны и выглядели так заманчиво, в окружении грибочков.

Уплетая за обе щеки готовую еду, Эрулан рассматривал любимых старичков. Седые волосы у бабушки были собраны на голове под платком. Юноша видел их очень редко в моменты, когда та вечерами расчесывала пряди после утомительного дня. Глаза у бабушки были зеленые, отливающие голубизной при разных углах света. Эрулану вспомнилось, как они с бабушкой занимались на грядках и однажды он заметил, что молодые всходы цветом походили на её глаза. Такие же нежные и безобидные, но скрывающие внутри много силы.

Юноша перевел взгляд на дедушку. Тот очень ловко разламывал картофелины пальцами и, помещая между ним кусочек рыбы, начинал жевать. В такие моменты дедушкина челюсть гуляла от уха до уха. Он издавал вдохи и ухи, потому как картошка была всё еще горячая. Руки дедушки не были перетруженными или угрожающими, а казались могучими и успокаивающими. Когда Эрулан был совсем маленьким и прогуливался под столом, эти самые руки часто ловили его за шиворот, когда он баловался или проказничал. Однако эти же руки, обнимали его, когда он болел, поддерживали его, когда он учился ходить, обучали его, когда он пробовал что-то новое. Эти руки, покрытые мозолями, порезами, старыми шрамами и зачастую свежей землёй и грязью, всегда были рядом.

Покончив с обедом, они принялись пить чай. Дуя на кипяток, бабушка завела разговор:

— Слышали? Говорят, сегодня то ли бард, то ли сказитель какой приехал в деревню. Я когда ходила за товарами на площадь, то видела его. Он сидел, а вокруг него народу собралось. Он им всем что-то рассказывал истории такие странные и небывалые, которые даже я не слышала: что-то про мир и души разные. Говорил, что хоть все в мире живем, но настоящий мир не видим и не знаем. Но я ничего больше не поняла. Мудреные у него слова были, а говорил он так быстро и скоро, что я уже домой пошла, чтобы голова не заболела.

— Необычный человек, — высказался дедушка, — должно быть много чего видел.

— Обычный болтун, — возразил Эрулан, — Какой мир он там видел? Дерево, например, оно что тут дерево, что там дерево — одинаково. Топором сруби, в печку кинь и гореть будет. Вот чего придумал.

— Не стоит всех по себе судить, — сказал дедушка, но чай пить не перестал.

— Он и одет был необычно, — продолжала бабушка, — костюм обтянутый, зеленый и накидка на голове. А на лице очки желтые и блестящие, будто золотые. Красивый! Тебе бы тоже такой костюм подошел, Солнышко.

— На кой он мне? — рассмеялся Эрулан, — Рубаху надел и готово. Если же холодно, то поверх чего накинь. Когда же лютый холод и мороз-щипач придут, то уж шубу носи. Вот еще всякие костюмы таскать.

— Да, — добавляет дед, — Главное не то, что на голове, а что в голове.

— Однако и выглядеть хорошо, тоже неплохо, — говорит бабушка и потихоньку убирает со стола лишнее: посуду и остатки недоеденного хлеба.

— А вот я схожу и посмотрю сам, что там за вихухоль, — заявляет парень и хватается головной убор.

— Только не дерись! — сразу останавливает его дедушка. — Сила твоя не драться, а...

— А защищать, — заканчивает за ним Эрулан и выходит из дома. Его сразу же встречает жаркое полуденное солнце и нестройный, редкий шум деревни. Идти недалеко, а потому он не торопится к месту. Надо чтобы обед улёгся по дороге.

— Ой, будет что-то... — бормочет про себя дедушка, провожая взглядом удаляющегося парня.

На подходе к центральной улице, Эрулан слышит разговоры местных. Сегодня привезли новые товары, а потому все хотят утащить что-то себе домой. Обходя прилавки и палатки, в которых постоянно идет торг, юноша добирается до площади, где собралось больше всего народу. В центре толпы сидит мужчина с черными волосами в зеленом костюме. Одежда прекрасно подчеркивает все достоинства стройного тела, а манера держаться уверенно и властно помогает скрыть легкие недостатки и огрехи движений. С помощью таких приёмов, а также четкого и ровного голоса бард привлекает с каждой минутой всё больше людей. Те окружают его и слушают, разинув рты.

— И вот таким образом, все что нас окружает, именуется материей. Абсолютно всё и вся. А почему как вы думаете? — задаёт мужчина вопрос публике.

— От того, что всё появилось само собой, — доносится неразборчивый ответ.

— Нэт! — сразу же отвергает эту версию бард, — Потому что мы и есть те, кто наблюдает за всем, а значит мы и есть материя. Думайте, друзья мои, думайте! Ваш мозг — это ваше самое могущественное оружие. Пользуйтесь им. Полируйте его и делайте острее, чтобы в нужный момент пронзить невежество и глупость. Вот в чем сила его. А также...

— И что он так всё утро говорит? — спрашивает Эрулан у парня рядом, не дослушав слова барда.

— Ага, как приехал, так и не замолкает, — отвечает тот, сложив руки на груди и вслушиваясь в речь, — И всё он ладно так лопочет, что и не придерешься и не возразишь.

Эрулан старается слушать, но совершенно не может разобрать, о чем народу хочет поведать этот чудак. Слова, которые вылетают из его рта, просачиваются сквозь голову парня, не находя там ни одного крючка, на котором смогли бы задержаться и осесть. Наконец не выдержав пустой болтовни, юноша выходит из толпы.

— Ну, хватит уже людей пугать. Поболтал и всё. Пустые твои слова и не более того, — говорит Эрулан. При его действиях большая часть толпы переводит взгляд на него. Многие уже думали о чем-то подобном, но совершить такой поступок испугались.

— О, и почему? — сразу же задаёт вопрос бард, — Неужели я обидел Вас чем-то? Или Вы были задеты моими словами? А быть может невежество взяло над Вами верх? Ответьте мне, молодой человек.

— От того, что разговоры твои пусты. Мешаешь ты только людям заниматься делами. Разве же будет житель деревенский думать о том, что такое картошка, пока полет её? Нет. Ему важно, что картошка вырастет и получится на следующий год посадить новую. Мы же не думаем, почему рыба — это рыба, а навоз — это навоз? — на этих словах юноша начал смеяться, как и люди вокруг.

— Да, Вы правы. Человек обыкновенно старается эти мысли заглушить в себе и живёт тем, что есть вокруг него. Но подумать всё же стоит. Ведь как понял он, что картошку сажать и выкапывать после надо? — отсмеявшись со всеми, вновь спрашивает бард.

— Сажаем как дед сажал, как его дед сажал и внуки наши будут сажать. Всё ясно же, — говорит Эрулан и одобрительные хмыканья слышны кругом. Люди понимают, о чем он говорит.

— А что ж тогда мы все не едим ботву картошки? Ведь кушаем мы такие же зеленые веточки и листья у капусты. Почему же так? — голос мужчины звучит всё также весело. Он уже придумал способ как ему расколоть деревенского парня.

— Ну так зачем её есть? Дурак что ли ты? От нее же худо будет, — хмурит брови юноша, но держит на лице улыбку.

— А как узнали и различили мы это? Как поняли, что капусты верхушка вкусна, а у картошки корни съедобны?

— Всегда знали, что же не ясно-то? — в словах юноши становится слышно раздражение.

— А вот и нет, молодой человек. Если поспрашивать мудрых стариков, что наберётся здесь не мало, то можно узнать много интересного и важного! — бард озвучивает свою мысль громче обычного, — Если узнать побольше фактов, то становится ясно, что раньше люди не знали, как и что правильно употреблять в еду. Приходилось пробовать и искать выход из таких ситуаций. Голод подгонял людей к новому. Их внутреннее чутьё говорило с ними. Они шли на жертвы и собрали всё воедино спустя время!

Народ вновь потянулся к оратору: старики, услышав, что их опыт важен, молодежь, околдованная шармом и харизмой, остальные просто от скуки. Люди были готовы вновь слушать, потому как слова и идеи, что были здесь озвучены, затрагивали что-то глубоко внутри.

— Люди не знали изначально всего, но проявив храбрость и отвагу, они стали героями, что проложили нам путь в настоящее. Они те герои, поступки которых мы должны помнить, даже если забыли их имена! И самое главное, что они нам дали — это опыт и ум. Вот два столпа,

что поддерживают нас. Только пользуясь ими, мы сможем двигаться вперёд. Они способны показать вам то, что не увидеть глазами, что не услышать ушами, что не потрогать руками и лизнуть языком. Подобное, что вам и не снилось! Наш разум — наше главное оружие в борьбе с тьмой и невежеством. Думайте же...

- Но оружие не только голова, - остановил речь барда парень. - Оружие оно в руках у нас. Пользуемся им, чтобы животных ловить, деревья рубить, поля пахать. Всё это стало оружием, а не только голова.

- Вот только без головы и разума, все озвученные тобой инструменты стали бы не больше чем палками и камнями. Только развивая наше познание и понимая, как его нужно использовать мы можем...

— А что же мир?! — снова закричал Эрулан, прерывая разгоревшийся поток оратора, — Что же мир вокруг? Или водяные, что топят людей — вымысел? Лешие, что живут в лесах — неправда? Сколько народу пострадало от них и мы должны забыть их? Не об этих ли героях ты говорил? Да и от чего такой мир существует?

Толпа вновь отхлынула и сейчас лишь редкие переговоры слышались то тут, то там. Люди были не уверены, чью же сторону выбрать. Не было в их деревне обычно такого, чтобы люди спорили о подобных вещах. Головы их были забиты делами о хозяйстве и прочих хлопотах, а потому это новое и непривычное пугало и притягивало с необычной силой.

— Да, ты прав, — согласился бард, — Вокруг нас много всего происходит, что неведомо обычно и останется тайной. Чудеса и существа такие, что вводят нас в ужас и заставляют молиться рекам и горам, земле и ветру. Мир огромен и не изведен еще полностью, однако всякий раз должны думать головой мы сами. Даже если видим что-то необычное и небывалое, то думайте головой. Именно голова дана нам Творцами для того, чтобы познать мир. Каких бы тварей, монстров, чертей и бесов мы не встретили, думайте головой. И даже если небывалое увидишь, то подумайте головой. Вот мой ответ.

— А что же, если будет такое, что нельзя будет понять головой? Что если существует то, что непонять человеку? Что же тогда? — не унимался Эрулан.

— Тогда... — бард вдохнул и перевел взгляд на небо. Он долго рассматривал плывущие, пушистые и нестройные облака. Каждое из них было неповторимо, но при этом все они были облаками. Просто облаками. Множество мыслей пронеслось перед глазами мужчины: история его жизни, трудности, лишения, моменты счастья и печали. Выдохнув, он продолжил:

— Тогда встретимся еще раз. И ты расскажешь мне обо всём, что увидел. А я выслушаю тебя.

Что было дальше Эрулан не слышал, да и не слушал. Повернувшись и думая обо всём, он побрел в сторону с площади. Сильные и крепкие ноги проложили давно известный маршрут — домой. Добравшись раньше ужина, он лег спать, но пролежал до самого рассвета, всё прогоняя слова в голове по кругу. Давно устоявшаяся картинка все не складывалась. Что-то было не так, а что он понять не мог. И вот с первыми лучами солнца он наконец заснул.

Глава 3

Прошла неделя, а за ней и месяц. Сегодня вновь должны были приехать торговцы. Эрулан оделся и вышел вместе с бабушкой из дома. Она шла за продуктами, он же, используя предлог о помощи, был готов вступить в бой разумов. Ранее он проиграл дуэль, но теперь он подготовился к новому сражению. Юноша прокручивал в голове различные идеи и колкие ответы, что сможет в этот раз использовать. Он был уверен в своих силах как-никогда.

Добравшись на площадь и разделившись на время с бабушкой, Эрулан поспешил найти барда. Весь месяц он ждал момента, когда сможет поквитаться. Наконец он увидел толпу, что вела пустые беседы, а в центре её кто-то выступал. Пробравшись сквозь людей вхолостую рассуждавших, Эрулан увидел сегодняшнего оратора. Однако все ожидания юноши были разбиты на мелкие осколки, потому как перед толпой выступала на этот раз молодая девушка.

Черные как смола волосы и серые глаза резко контрастировали с красными губами. На девушке был костюм того же пошива, что и у предыдущего оратора, но цвет оказался коричневым. Он внушительно смотрелся на ней, отлично подчеркивая её фигуру. Голос у неё был звонкий и в некоторых моментах её речь становилась больше похожей на песню. Эрулан слушал, о чем та говорила и какую мысль пыталась донести людям, но это не оправдывало его ожиданий. Идея была не плохая, но она казалась не более чем красивой, молоденькой речушкой, которая только-только выбралась из земли и набирала силу, в отличие от глубочайших и бескрайних вод океана смысла у оратора в зеленом, с которым Эрулан надеялся повстречаться.

Людям нравилось слушать её: речь её была красива и ритмична, голос радовал слух непривычной чистотой, а глазам было куда посмотреть. Народ собирался вокруг всё быстрее, в основном женщины и девчонки, которые обсуждали уже между собой домашние дела. У кого-то собачонка убежала, кто-то оставил ребёночка дома одного, у кого-то каша уже стыла в горшках, приготовленная по новому рецепту.хлопоты и заботы перекрывали идеи, перевозносимые девушкой-бардом.

Эрулан помог бабушке донести до дома вещи и сказав, что может будет поздно, отправился обратно на площадь. Он слушал оратора, но сам в разговор не вступал, как и никто другой на площади. Когда настало время ужина, бард, поблагодарив всех, скрылась в своей палатке. Эрулан последовал за ней.

— Могу я войти? — спросил он громко, стоя у входа. Двери как таковой не было, потому как её заменяло толстое вышитое покрывало. Парень часто видел такие у бабушки, та использовала их для укрывания скота в первые морозные дни.

— Да, пожалуйста, — раздался голос изнутри. Внутри Эрулан рассмотрел немногочисленные вещи: матрас из соломы на полу, стол и какая-то невзрачная одежда. Видно, что только так барды могли успевать двигаться из деревни в деревню ежедневно, нигде не останавливаясь надолго. Девушка вышла к нему навстречу и теперь с любопытством смотрела на неожиданного гостя. Высокий парень пробежал по вещам своими глубокими, чистыми, голубыми глазами и казалось искал что-то.

— Я — Эрулан. Я слушал всё, что Вы сегодня говорили. Было интересно, — сказал юноша, протянув руку для приветствия.

— Да, я тебя заметила. Ты ни с кем не разговаривал и довольно долго стоял на месте, — ответила бард и добавила, — Меня зовут Метонимия. Очень рада знакомству. Так ты что-то хотел обсудить?

— У вас красивое имя, — юноша сделал комплимент по привычке, — Нет... На самом деле я пришел, чтобы поговорить с другим человеком. Быть может он знаком тебе? Мужчина, зеленый костюм, который тоже ходит с торговцами. Он был у нас в деревне на прошлой неделе, и я хотел бы с ним переговорить насчёт его слов.

— Довольно неожиданно, — девушка почесала щеку пальцем, а затем продолжила, — Понимаешь в чем дело: караваны торговцев движутся только вперед. Они не ходят по кругу и обычно не бывают в одном и том же поселение или деревне дважды. Конечно, случается и такое, что они вновь забредают в знакомые места, но это может быть через пять или даже десять лет. А барды еще реже покидают свои караваны. А значит...

— А значит, шанс встретить этого человека вновь оказывается очень мал и почти ничтожен, — закончил предложение девушки Эрулан. Его губы были сжаты в тонкую линию, а брови надвинулись на глаза. В голове он прокручивал ответы и возможные решения.

— Если ты хочешь, то можешь поведать мне, что тебя тревожило. Быть может, я смогу ответить на твои вопросы, — предложила девушка.

— Нет. Спасибо, — ответил юноша и побрел к себе домой.

Эрулан лежал на скошенной траве. Рядом лежала его деревянная коса. Сегодня он снова встал до рассвета и теперь отдыхал, покончив с работой. По всему лугу разносился сладко-терпкий запах, который приятно щекотал нос. Аромат смешивался с ветром и улетал всё дальше словно песни птиц. Они смешивались, переплетались и путались, порождая нечто новое и замысловатое. К пению птиц незаметно добавился и звук от цитры. Девичий голос будто капли воды сливался со струнами и порождал задумчивую мелодию. Это играла и одновременно пела Метонимия, которая сидела недалеко на стопке травы. Песню было не разобрать на отдельные слова и предложения, она походила на набор звуков, каждый из которых легко присоединялся к общему потоку.

— Мне казалось, барды не задерживаются в одном месте на долго? — спросил Эрулан, когда девушка закончила свою песню.

— Мы свободны. Свобода — это не бегство с места на место, а возможность быть там, где мы сами этого захотим, — ответила Метонимия.

— А что же тебя здесь так привлекло, что уже неделю гостишь у нас в деревне?

— Кто знает? — сказала девушка, бросая украдкой взгляд на молодого человека. Сильные, стройные и длинные руки сейчас были сложены за голову, с мягкими волнистыми локонами волос. Между зубов, белых словно снег, бегал скошенный колосок. Глаза, будто кристальные зеркала, отражавшие чуть ранее бездонное небо, сейчас были закрыты. Пушистые ресницы и ровные брови, очерчивали контуры лба, носа и век.

— Кто знает? — повторила девушка.

— Странная ты, — вновь заговорил парень, — Можешь гулять по миру, смотреть на всякие чудеса и говорить с людьми разными. Отчего же не выбрать такой путь?

— Не всё так чудесно бывает, — ответила ему девушка, поочередно перебирая струны тонкими пальцами, — Приходится терпеть множество лишений: голод, холод и злость людскую. Каждый по-разному смотрит на одни и те же вещи и события. Не всем по душе подобные мне странники.

— Всё равно лучше так, чем сидеть на месте всю жизнь. Коль человек ты хороший, то всякий тебя приют на ночь даст и куском хлеба поделится.

— Ха! Так ты сам попробуй, а потом уж говори, — возмущенно сказала Метонимия, и по ушам парня ударил нестройный и резкий звук струн.

— А вот и попробую! — сказал вскочивший на ноги Эрулан. Кулаки его сжимались и разжимались, во рту уже не было травинки. Взгляд его походил на пламя, что вот-вот должно было превратиться в пожар, раздуваемый ветром свободы души.

— Ага. Шутить удумал? — закатила глаза девушка.

— Нет! Вот завтра и пойду, — ответил парень задорно. Схватил косу и пошел бодрым шагом домой.

— Эй! Подожди! Да стой тебе говорят! — закричала девушка и поспешила поскорее догнать юношу, что было уже не остановить. Он шел вперед, наконец приняв решение, что так долго вынашивал в своей душе.

Узнав, что задумал Эрулан, бабушка была встревожена и хотела было отговорить его, но решила доверить это дело деду. Застала она его на кухне, пока тот вырезал новую поделку. Деревянная заготовка уже принимала форму белочки с пушистым хвостом и маленькими глазками. Смотри! Отвернешься, а зверёк уже карабкается по коре дерева, обнюхивая каждый уголок в поисках червячков и съедобных насекомых.

— Поговори с ним, — начала бабушка разговор, — Мальчик ведь уйдёт и пропадёт. Что тогда делать будем? Как жить? Что родителям его скажем, когда они вернуться?

— Вернутся?.. Тогда и скажем, что ушел и где-то бродит. Коль найдёте не забудьте и от нас привет передать, — сказал дед, не отвлекаясь от своего дела.

— Но так не должно! Опасно это всё! Вдруг что... Ой! Не знаю, ведь что и как! — говорила бабушка, пока ходила по комнате из угла в угол. Шаги её ускорились, а бормотание становилось всё неразборчивее.

— Успокойся! — сказал дедушка и отложил поделку на подоконник. — Сейчас я с ним поговорю, а потом уж решим, что да как. Родителей еще вспомнила...

В это время Эрулан собирал вещи в мешок. Он не знал, что с собой нужно, и оттого брал всё, что попадалось под руку.

— Далеко идёшь? — спросил дед, наблюдая за скорыми сборами парня.

— Не знаю, — отвечал тот, — куда ноги унесут, а потом еще немного.

— А после что делать будешь?

— Не знаю. Может дом построю, а может еще чего. Пока хочу только идти куда глаза глядят.

— И что же, не останешься никак дома?

— Нет. Идти надо. Завтра с утра выйду, — ответил юноша.

— Да стой ты, не метайся! — повысил дедушка голос, — Скажи мне толком: куда и зачем идёшь ты?

— Говорю же, что не знаю, — замерев на месте ответил парень, — Но я иду. Это решено.

— Понял тебя, — сказал дед, и крикнул, повернувшись назад, — Бабка! Пеки пироги в дорогу. И смотри, чтобы вкусные были, потому как Эрулан их больше не попробует. Поняла?

— Да как же так? — зашла в комнату бабушка, — Как же? Он же?

— Цыц, бабка! — взгляд деда застыл, — Если мужик решил что, то так он и сделает. Нечего путать его своими женскими мыслями. Сделай еду и заготовь, что надо в дорогу. А ты прекрати по комнате бегать, и сядь. Дело есть к тебе.

Бабушка не переставала охать, но заметив лицо дедушки, ушла на кухню и принялась за выпечку. Эрулан сел на стул рядом с дедом и приготовился слушать.

— Отправляться куда-то просто так, без цели твердой — это не дело, — дедушка достал большую деревянную шкатулку, с вырезанными большими и малыми узорами по всей поверхности. — Коль цели нет, то и дорога будет зыбкой и скоро оборвется, а потому даю тебе своё наставление. Мать и отца своих ты не видел, да и мы про них не говорили тебе. Всегда с нежностью и заботой к тебе, чтобы не думал ты, что не любит тебя никто. Вот теперь и пригодились твои родители. Мать твоя — это красавица, каким случается родиться раз в век. Таких как она ты не увидишь в жизни, а если увидишь, то не забудешь до самой смерти.

В открытой дедом шкатулке, юноша увидел два кристальных камня. Один был небольшой и круглый, словно жемчужина, второй же неровный, вытянутый, как шишка с березы, диковинные очень камни были. Жемчужинка не пропускала свет и была молочно-бледная. Шишка

же была прозрачная и сквозь неё можно было смотреть словно колодезную воду. Не знал таких драгоценностей Эрулан, но сразу они ему приглянулись.

— Отец же твой, — продолжил дедушка, — был сильнейшим человеком, кого я знал и кого знать буду. Встретил я его в лесу, когда охотился. Грохот стоял страшный, зверь всякий бежал и прятался. Добравшись до места, я увидел, как он голыми руками рубит деревья. С двух ударов падали вековые сосны, а с трех валил он дубы. Еще дед моего деда деревья те видал.

В голове юноши возник образ человека, что мог вершить всё, что душе угодно. Тот, кому не страшен ни холод, ни зверь, ни одна существующая стихия. Человек, что способен покорить и природу, и саму жизнь.

— Это он научил меня мастерить зверят и вдыхать жизнь в них, — в глазах бабушки проплывали воспоминания, — Только он делал это иначе, сминал он пальцами камень словно глину, а воздух делал твердым, как металл. Пару минут и вот из рук его выпрыгнет зайчишка и укачет в лес или в луга, зайчиху себе искать. Был он мастер великий и всё умел делать.

— Пришли они с мамой твоей неизвестно откуда, но поселились здесь и прожили один год, — вспоминала бабушка, вытирая от муки руки полотенцем, — Потом пришли за ним двое. Не знаем кто это был, но в тот день вся рыба в река померла и всплыла кверху брюхом, а в лесу до следующего года не видели ни одного зверя и птиц. Оставив маму твою, через неделю ушел отец и больше не видели мы его. А потом только узнали, что беременна она. Как только тебе год стукнул, так вот и мать твоя ушла. Сказала, что зовёт дом её, а нам наказала за тобой смотреть и отдать тебе эти камни волшебные, когда взрослый ты станешь. Вот и вся история их.

— Теперь знаешь, что родители у тебя есть, — вновь заговорил дедушка, — и чтобы не шлаться по дорогам в холостую, ступай и найди их. Вот тебе и цель будет надежная. Как встретишь их, скажи, что воспитали мы их ребенка как смогли, всё, что было вложили и любили всем сердцем. Других детей у нас с бабкой быть не могло, а потому всё тебе отдали. И гордимся тобой. Вот такое напутствие от нас.

Эрулан перевел взгляд на дедушку, который сидел ровно и смотрел на камни, что хранил столько лет. Только сейчас он заметил сеть морщинок, что тянулась от кончиков глаз и губ у старика. Лицо, к которому юноша так привык, сейчас было печальным и уставшим. Видимо дедушка не раз прокручивал в голове этот разговор, и быть может где-то глубоко в душе надеялся, что никогда не покажет эти камни. Но там же где была грусть, читалась и твердость, выработанная за годы труда и жизни в деревне.

На следующее утро стоя у крыльца, Эрулан принимал из руки бабушки мешок с едой, а об ноги тёрся недавно проснувшийся кот. Его пушистый хвост неплохо справлялся с ролью веника, разметаая пыль с порога и обуви парня. Погода даже по ночам стояла теплая, а потому Эрулан накинул поверх новой, белой рубахи прочную, но не сильно греющую чобу, а на животе оказался плотный пояс. Всё это были подарки бабушки.

— Хорошо, что ты надел эту рубаху. Я ее специально вышила красными нитками по рисунку еще моей прабабки, — говорила бабушка, поправляя одежду на парне, — Это защитит тебя в дороге от всяких напастей и сглаза. Не снимай её. В мешок положила я выпечку, соль, воды чуть-чуть и еще мелочи разной. Не тяжелая? Если, что можно еще положить еды. Там еще картошка осталась, будешь?

— Бабка, не мешай, — прервал причитания бабушки дед, — А ты смотри на людей и помни, что разные они бывают. Пояс хороший, так что береги его. Коль надо будет в бой ступить, тут он тебе пригодится. Оружия лучше я не знаю. И помни главное, сила твоя не драться и обижать, а...

— А защищать, — закончил предложение юноша, — Я помню дедушка, спасибо.

Он подошел ближе к старикам и, обхватив их двумя руками, крепко обнял. Он слышал, как бабушка уже начала плакать, а дед кряхтел, не ожидая такого давления. Закрыв глаза, парень сказал:

— Я вас очень сильно люблю. Спасибо вам за всё, что вы для меня сделали! Я вас никогда не забуду!

Опустив их на землю, Эрулан повернулся и зашагал прочь. Он не собирался оглядываться назад, потому как не знал, хватит ли ему сил, чтобы уйти, если он увидит стариков вновь. Парень вышел за ворота и двигался по главной улице. Деревня уже просыпалась: был слышен лай собак по дворам и мычанье сонных коров, которых гнали пастись. Кто-то уже копался в огороде, а кто-то еще спал дома, укрывшись толстым одеялом, обнимая кота или кого потеплее и мягче. Жизнь в деревне идёт всегда своим собственным темпе.

Покинув границы деревни, Эрулан увидел девушку, что вышла из леса. В руках у неё была цитра, а под глазами небольшие мешки и синяки.

— А ты куда? — спросил парень.

— В путь. Я же свободный бард. А вот ты куда ни свет ни заря? — отвечала Метонимия.

— Я иду искать то, что давно потерял.

— Ну так уж и быть, я составлю компанию тебе на время, — сказала девушка и пошла сбоку от парня по дороге, что тянулась вдаль и готовила путникам много загадок и тайн.

Глава 4

— Так теперь куда налево или направо? — спросил Эрулан.

— Наверно направо, — неуверенно ответила ему девушка.

— Что значит наверно? Ты ведь путешествовала с торговцами, бывала в разных местах. Только не говори мне, что ты не умеешь ориентироваться на местности? Куда нам идти?

— Да не знаю я! — закричала Метонимия. Разговор их происходил посреди леса, в которой они попали, понадеявшись срезать путь.

Изначально дорога вела их вдоль молодого перелеска и казалось опоясывала тот, но за пределы его не просачивалась. Продвигаться по этому маршруту Эрулану надоело и он предложил срезать путь, чтобы успеть в следующее поселение до заката.

Огромные ели, которые стояли здесь должно быть не одно и не два десятилетия, стройными рядами окружали путников. Ели будто сестры-близнецы не давали и шанса понять, куда идти дальше. Стоило приблизиться и рассмотреть дерево с расстояния вытянутой руки, становилось видно его кору и трещинки, неповторимые узоры и шрамы. Однако отдалившись на десять и более шагов, ели сливались в единую композицию, словно толпа людей, где каждый неповторим, но вместе они немые и безликие. Найти верный путь здесь было практически невозможно.

— Быть может пойдём назад? — пришла в голову парня светлая мысль.

— Ага, и где это твоё назад? — сразу же потушила запал девушка, — Мы теперь даже не можем понять толком, где восток и запад, а ты говоришь путь назад. Будем идти, а там уж куда-нибудь да выйдем.

Вот так неудачно, а быть может наоборот излишне просто началось странствие наших героев. Доносились звуки спорящих птиц и завывание неумного ветра. Могучие ели, качались и издавали протяжные стоны, редкие поскрипывания и шорохи от трущихся между собой иголок. Эти же иголки устилали всю почву у корней словно ковер. Они подолгу не перегнивали, а потому не позволяли сорнякам и траве расти где хотелось. Это царство только для грибов и деревьев.

Начало смеркаться. Лес сгущал тени и делал их длиннее, глубже, мрачнее. Пение птиц сменилось редким уханьем сов. Опускалась вечерняя свежесть, а с ней пришла и ночь. Эрулан шел по лесу, гадая о причине, которая заставила их потеряться. Было слишком уж это необычно. Размышляя и прикидывая разные идеи, он начал вести разговор с девушкой:

— Мы когда в лес вошли, ты слышала что-то? Шорохи там или голоса чуждые и знакомые?

— Нет, — отвечала Метонимия, — лес как лес. Сначала были березки, потом липы, а вот сейчас ели пошли. Достали уже честно слово. Здоровые, а толку от них никакого.

— Быть может, что странное видела? — снова допытывал парень сведения.

— Нет, не было ничего. Как шли, так и шли. Сам же видел. А что?

— Да так, — сказал Эрулан и ускорил шаг. Через каждые десять-двенадцать шагов он чуть смещался в сторону. Так они и шли бы дальше, но девушка заметила странное поведение парня. Её брови нахмурились, а губы сжались. За целый день пути без привалов она очень устала, и теперь у неё не было никакого желания играть в догонялки. Она почти перешла на бег, стараясь не отстать и тем самым еще больше не заблудиться, но её отвлекло уханье филина. Она замерла и повернула голову на звук, а когда собиралась нагнать парня, то осознала, что того нигде нет. Он исчез, как и последние лучи дневного солнца.

Девушка сразу же побежала вперед и начала кричать его имя, однако ответа не последовало. Метаясь из стороны в сторону, она тратила последние силы. Она осматривалась по сторонам, вслушиваясь в любые звуки. Сырость и кисловатый запах почвы смешивались и начи-

нали усыплять. Глаза стали привыкать к окружающей темноте, позволявшей видеть не более чем на десять шагов вперед.

Девушка услышала шорохи, похожие на шуршание ног по листве. Двигаясь на звук, она вышла к поляне. Это оказалось одно из немногих мест, где легкий и пугливый лунный свет проникал до кислой почвы. Вся земля здесь была укрыта, словно ковер синими цветами с пятью лепестками. Прекрасная и мирная картина наконец смогла успокоить страх, kloкотавший внутри девушки, после исчезновения Эрулана.

Метонимия вышла под лучи света, тихонько наступая между цветами, чтобы ненароком не раздавить их. И снова она услышала шуршание где-то в стороне. Присмотревшись внимательнее, девушка увидела сероватую тень человека, который скрывался за елью. Он будто опасался показаться той глаза.

— Эй, кто ты? Это ты меня сюда привел? — спросила девушка у незнакомца.

— А кто ты такая? — раздался хриплый голос в ответ.

— Я Метонимия. Я шла по лесу и заблудилась, а потом забрела сюда и... — ответила девушка.

— А тебе нравятся цветы? — прервал её незнакомец.

— Да, они очень красивые. Не подскажешь как... — но договорить она снова не успела.

— А как тебе полянка? Лес такой большой, да?

— Ага, — согласилась девушка.

— Ты часто ходишь по лесам? А ты любишь играть? А во что ты играешь? — посыпались вопросы. При этих словах незнакомец вышел из-за дерева. Пока он стоял скрытый в тени, Метонимия не могла разглядеть его полностью, но сейчас показалось всё его тело. По коже девушки пробежали мурашки, и замерли на позвоночнике, там и не добравшись до головы, превратившись в иглы, которые впились в её кожу. Ноги одеревенели, и она уже не могла ими пошевелить и тем более пытаться бежать. Страх сковал всё тело и даже веки не хотели закрывать глаза.

К ней приближался высокий, волосатый, одноглазый и однорогий урод. Ноги и руки у него были длинные, а туловище маленькое, как у паука-сенокосца. Шерсть по всему телу была грязная и скомканная клочками и колтунами. Они свисали по всему телу, будто плоды давно сгнившего дерева. Единственный глаз был будто сбоку у виска, а рот постоянно повторял вопросы:

— Хочешь поиграть? Любишь играть? Нравятся цветы? Хорошая поляна? Красивая поляна? Ты девушка? Почему ты дрожишь? Ты не хочешь со мной играть? Давай же будем играть? Знаешь какая самая веселая игра? А ты играла в щекотушки? Давай я тебя научу? Ты же будешь смеяться?

Произнеся последние слова, чудище бросилось к девушке и повалило её на цветы. Длинные, тонкие, пальцы с кривыми ногтями принялись перебегать по телу. Каждый палец был не меньше двух пядей, а потому хрупкое тело девушки оказалось будто в кольцах из холодных хрящей. Однако вместо ожидаемой боли Метонимия ощутила щекотку. Пальцы пробегали по подмышкам, шее, вокруг локтей и на ребрах, отчего не выдержав девушка принялась смеяться, ощущая прохладу на коже. С каждой секундой её смех нарастал и усиливался, разбегаясь по поляне и улетаая дальше в темный лес.

Когда Метонимия пыталась вырываться чудище хватало её и вновь принималось щекотать. Силы в руках и ногах не хватало, чтобы его оттолкнуть, и девушка принялась кричать сквозь смех:

— Нет! Ха-ха-ха! Нет пожалуйста! Хе-хе-хе-хе! Пожалуйста хватит! Ха-ха-ха-ха...

Однако чудище не остановилось и щекотало всё быстрее и быстрее, проворнее и шустрее. Его пальцы схватили ногу и начали пробегать по стопам и пяткам. По лицу девушки текли

слезы страха, но она продолжала смеяться самым заливистым, заразительным и истеричным смехом.

В этот момент между деревьев промелькнула новая тень, которая сразу же очутилась позади чудища. Замах и нога точно попадает в одноглазую голову, отправляя тело лететь через всю поляну цветов. Удар впечатал чудище в вечнозеленую ель с такой силой, что посыпались шишки, иголки и сухие ветки. Не давая тому опомниться, тень вновь оказывается рядом и зажимает все пальцы в стальной хватке. Сквозь затихающий смех девушки слышится голос парня:

— Значит вот, кто нас заставил по лесу бродить. Захотел девушку потрогать, да? Зашекотать до смерти пытался? Ну, это ты конечно зря. За такие дела теперь придётся расплачиваться с полна.

Как только Эрулан закончил говорить раздался хруст и треск. За ними последовали вой и стон, доносившиеся будто со дна ямы. Чудище пыталось вырваться и трепыхалось как могло, но парень не отпускал и давил с возрастающей силой. Снова и снова трещали и хрустели переламываемые кости существа в руках у Эрулана. Он дробил и размалывал все хрящики и косточки, не оставляя ни одну целой.

— Никогда так больше не делай. Если узнаю, что вновь проказничаешь, то приду и не только руки переломаю. Надеюсь, ты понял мою речь? — отпустив стонущее одноглазое существо, парень посадил девушку на спину и оставил поляну с цветами позади. Буквально через пятнадцать минут они смогли выйти к полю, где Эрулан развел костёр.

— Ну ты как? — спросил он девушку, передавая ей кружку с чаем.

— Было у-ужасно стра-ашно, — отвечала та, заикаясь. Волосы её были растрепаны, а одежда испачкана зелеными следами от травы. Пальцы её дрожали, пока обхватывали теплую кружку.

— Ты прости меня. Я понял, что нас кто-то по лесу водит, а поймать его не смог. Вот и решил на живца его взять, — объяснял парень, свой дерзкий план, — Стоило мне уйти, так эта зараза, сразу и показалась. Я рядом с тобой был всё время, и как только он потерял внимание, то и схватил его. Не думал, что встречу шурале. Мне о нём дед рассказывал, да и то не больше, чем сказку перед сном. Мол его дядька ещё в лохматые времена однажды в лес по дрова пошел и там встретил это чудище. Только дядька обманул его как-то и убежал из лесу, а нам вот не повезло, что ночью в лесу оказались. Но теперь он не сможет уже никого шекотать.

При последних словах девушка вздрогнула и на лице у неё появились слезы. В ней появилось чувство обиды, благодарности и симпатии к парню, подарив необычную смесь эмоций. Она начала всхлипывать, а кружка в руках задрожала еще сильнее, почти расплескивая сладкий чай.

— Прости, прости! — сразу извинился парень, — Я прятался рядом, так что опасности не было, а для правдоподобности не предупредил тебя. Если бы не вышло, то я вернулся бы сразу. Ты спать ложись, а я покараулю. С утра уже пойдем.

Допив чай, Метонимия накрылась всей одеждой что у них была, закрыла глаза и сразу же уснула. Слишком много с ней случилось за один день, а потому тело требовало сна, который подарил бы покой. Так она и проспала до самого рассвета.

Глава 5

Собрав вещи и потушив огонь, зевающий Эрулан и его спутница направились дальше. Солнца уже начинало припекать, а потому юноша старался идти как можно быстрее, пытаясь выйти из-под безоблачного неба в приятную и успокаивающую тень.

— Неужели тебе не было меня несколько не жалко? — раздавался плаксивый голос девушки над покатою поверхностью золотого моря.

— Мне было тебя очень жаль, но я всё видел и всё контролировал. Моей силы точно хватило бы, чтобы разобраться с любым появившимся чудовищем или нечистью, — отвечал ей парень.

— А если бы не хватило, чтобы ты тогда делал? — не унималась Метонимия.

— Хватило.

— Ну, а вдруг?

— Хватило.

— Какой ты скучный, — пробубнила девушка. Она смогла привести себя в порядок только утром, а потому сейчас всё ещё испытывала смешанные чувства. Рассматривая юношу, что прокладывал путь, будто кабан для своего выводка, девушка старалась понять, о чем он думает и как, какие мысли терзают его и терзают ли вообще.

— Ты говорил, что дед твой обманул его. А как так? — продолжила спрашивать девушка.

— Не дед, а дядька его, Прошлый год, — поправил парень.

— Чиво? Прошлый год? — переспросила девушка.

— Да. Так его звали. Прошлый год, — повторил Эрулан, — Пошел дядька в лес, дрова наколоть и там встретил шурале. Тот хотел его защекотать до смерти.

При этих словах всё тело девушки передернуло, а сама она начала озираться по сторонам и прислушиваться, словно молодой зайчонок, услышавший треск веток в лесу. Глаза у неё были широко открыты, чтобы не упустить ничего, что могло бы ей вновь угрожать. Парень же как ни в чем не бывало рассказывал:

— Тогда дядька топор в пенёк вогнал, да так что тот треснул, а сам закричал чудищу, чтобы тот скорее держал щель, пока та не закрылась. Шурале сунул пальцы, а дядька топор выдернул и был таков. Шурале потом кричал на весь лес, чтобы ему Прошлый год пальцы прищемил и не отпускает, а потому другие шурале не могли его понять и не приходили на помощь.

— Чего? Есть еще и другие такие чудища?! — взволновано спросила девушка, подходя ближе и прижимаясь к широкой спине.

— Да, — подтвердил парень, — Бывает, что один да попадётся, но они показываются либо на рассвете, либо на закате, поэтому в это время лучше не бродить по лесу в одиночку. Да, хватит уже трястись, мы уже вон и в село новое пришли.

— Чего? — удивленная девушка выглянула из-за Эрулана, и перед ней открылся вид на стройные ряды высоких, деревянных домов и оград. Каждая постройка была лучше предыдущей. Ровные и ухоженные лужайки, цветные и чистые крыши домов отлично сочетались, радуя глаз. По прибранным улицам расхаживали жители. Лиц было не разобрать, но одежда у каждого была выглажена и выстирана, словно все готовились к празднику, что вот-вот должен был наступить.

— Станные они какие-то, — размышляла вслух Метонимия, — Не пойму, что именно, но что-то меня настораживает.

— Просто ты еще пугаешься всего. Да и нет здесь никакой тайны, — ответил ей юноша. Он шел по улице и не мог не восхититься красотой и аккуратностью, с которой срубили такие отменные дома. Швов и лишних стыков было не видно. Даже зарубки, что обыкновенно остав-

ляли, чтобы не перепутать бревна, были искусно плетены в узор обшивки. Рамы, подоконники и пороги были идеально подогнаны в размер. Эрулан вспомнил, как пытался помочь дедушке в ремонте бани и как у него всё выходило криво и косо.

— Или делал всё поселение один мастер или я такой криворукий? — ворчал он, пока они не добрались до постоянного двора. Здание это было еще выше других, а внутри стояла расписная мебель: столы, стулья, шкафы и сундуки. На полу не было пыли и мусора с дороги. Стоило Эрулану пересечь границу дверей, как его встретил звонкий, добродушный, радостный голос:

— Добрый день, дорогие гости! Добро пожаловать на наш постоянный двор. Здесь вы можете, найти сытный ужин и теплую кровать. Ваш долгий путь был наверняка был очень труден и напряжен, но теперь вы сможете отдохнуть у нас. Вас всегда готовы обслужить по первому вашему слову. Любая услуга и любое ваше желание!

— Это очень здорово, — ответил Эрулан и подошел к стойке. В помещении был светло и просторно, повсюду парил запах лаванды и бергамота. За стойкой был мужчина, гладко выбритый, с зализанными волосами на один бок. Руки его были в перчатках, а на лице висела приветливая улыбка. Чуть кивая головой, он спросил:

— Вам комнату на двоих или каждому отдельно? Мы готовы предоставить вам любые условия, какие только пожелаете.

— Лучше бы, конечно, отдельно, но возьмём вместе, — сказал Эрулан.

— Отлично! Одна двухместная комната и обед, что входит в стоимость комнаты. Вы кушать будете сейчас или после?

— Сейчас было бы хорошо, — вспомнил парень, что не успел еще позавтракать.

— Прекрасно! Мы готовы предложить вам самые лучшие блюда, что у нас есть. Мы принесём их вам в комнату, — кивнув, быстро проговорил мужчина, — Должен только буду уточнить, как вы будет расплачиваться? Мы принимаем золото, серебро.

— Эм, — у Эрулана был с собой небольшой запас монет, которыми с ним поделилась бабушка, но цены озвученные мужчиной, точно превышали все его сбережения, — А можно нам чего подешевле?

— Подешевле? — улыбка сползла с лица мужчины, — А сколько у вас есть с собой всего средств?

— С десятков монет и пара шкурок зайцев на обмен.

— Пара шкурок? — уже с каменным лицом повторил мужчина, а затем продолжил холодным тоном, — Прошу покинуть наше заведение. Мы не принимаем такой вид оплаты. Дарий, вышвырни их и не пускай всяких бродяг.

Открывшаяся небольшая дверца сбоку от входа выпустила из темной комнаты рослого парня, который указал рукой в сторону выхода и произнёс:

— Прошу покинуть. Драк не надо. Не принимаем оплату. Дня хорошего.

Эрулан вместе со своей пугливой спутницей вышел из помещения на улицу. Они продолжили ходить и искать место, где смогут остаться на ночь, покушать и передохнуть и поначалу их везде встречали с широчайшей улыбкой. Однако стоило хозяева узнать, что у непрошенных гостей почти нет денег, как им тут же давали от ворот поворот. Даже обменять шкуры никто не решался, какую бы низкую цену ни предлагал юноша.

— Да что за место такое? — возмущался Эрулан, сидя на обнаруженном им пенке от березы. — Они тут помешались все что ли на золоте и серебре? Каких только людей не увидишь... Правильно дед говорил о том, что больше проживешь - больше узнаешь.

— Да, бывает и такое, — сказала Метонимия, пока стояла рядом и хрустела раздобытым где-то зеленым и кислым яблоком. При каждом укусе она шурилась и цокала языком, но продолжала жевать сочный фрукт. При виде её лица у парня появились мысли о том, как этот

человек был способен выживать всё это время. Однако отбросив лишнее, он встал и зашагал прочь из этого села, прочь от людей и их жадности.

Глава 6

Эрулан шел по единственному пути, что уводил от поселения, которое он уже всем нутром презирал. Ему не хотелось этого признавать, но даже дорога здесь была сделана отменно, без кочек, колдобин и ям. Идти и идти по такой было одно удовольствие, однако настроение у парня было испорчено, а потому его нервировала даже Метонимия, следовавшая за ним хвостиком. Она снова что-то грызла. На этот раз морковь, еще местами грязную, с комками земли и зеленой ботвой. Темп её шагов показывал, что девушка была довольна своей овощной находкой и не собиралась делиться ею.

— Может её где-нибудь потерять? В лесу там или на дне речки с камнем, привязанным к шее? — проговаривал парень шепотом идеи.

— Да ладно тебе, — заявила Метонимия, как только прикончила бедный овощ вместе с ботвой. — Бывает и не такое. Помню один раз меня на выступлении закидали яблоками. Да-да, было не очень приятно.

— И что же вы сделали? — спросил парень не оборачиваясь.

— Что сделали? — девушка заложила руки за голову и шла, разглядывая облака, — Собрали все яблоки и сварили компот. Не пропадать же добру.

— Нет, — Эрулан остановился и посмотрел на беззаботную девушку, — Что вы сделали с обидчиками?

— А! Да ничего не сделали. Нельзя же всем угодить, а потому лучше собрать дары, что посылает нам жизнь и что-то из них создать. Например компот. Да-а, сейчас было бы хорошо попить. У тебя нет ничего с собой?

— Только вода, — ответил парень и зашагал дальше. Однако теперь в его движениях больше не было того же гнева и раздражения, что минуту назад.

Буквально через две версты дорога покрылась кочками и лужами. Местами казалось, что она вот-вот готова оборваться, но всё-таки тонкая полоска протоптанной земли указывала, что путь всё еще продолжается. Огибая камни и кусты, Эрулан поднялся на холм, с которого смог увидеть новое поселение, раскинувшееся в небольшой долине словно осьминог.

— Какого х... — слова застыли у него в горле, не способные превратиться в осмысленную фразу.

— Уя здесь произошло! — закончила его предложение девушка. Она не смогла сдержаться, потому как картина увиденного была нова даже её опытному и замысленному взгляду. Это была деревня в сорок-пятьдесят домов, которые разбежались в разные стороны в попытке выползти из долины. Улицы были заросшие травой и кустами, а по обочинам текли ручьи помоев. Там же бегали худые дети, громко крича, то ли играя в догонялки, то ли действительно с желанием настичь свою жертву и поесть свежего мяса.

Дома, разваливающиеся от лишнего взгляда на них, были либо черного, либо коричнево-серого цвета. Торчащие из разных углов трубы порождали угольного цвета дым и запах серы. Свет и лучи солнца избегали лишний раз появляться в этих местах. Редкие окошки были скорее попыткой хоть немного проветрить помещение, нежели действительно осветить внутреннее пространство. Иногда между покосившимися и скрипящими дверьми проползали жители: хромые, косые, ругающиеся и бранящиеся друг с другом.

— Может обойдём? — озвучила терзавший её вопрос Метонимия.

— Нет. Мы идём сюда, — сказал Эрулан и направился напрямую в деревню.

На подходе его сразу же заметили дети и несколько мальчишек выбежали вперед. Это была бешеная троица испачканных в грязи малышей, которые остановились вдоль дороги и принялась со свистом и улюлюканьем кричать:

— Вы кто такие?! Чего вам надо?! Бе! Вы пришли к старосте?! Уходите отсюда! Бу!

Эрулан сделал два резких шага в их сторону и легко поймал в руку по одному мальчонке. Он приподнял их над землей как мешки с картошкой и чуть встряхнув каждого спросил:

— Кто такой староста?

— Э! Пусти ничего не скажу тебе ворюга! А! Пусти-пусти! — пытался брыкаться и пинаться мальчик, даже в подвешенном состоянии.

— Ну-ка успокойтесь! — неожиданно командирским голосом сказала Метонимия. — Рты закрыли!

Оба ребенка застыли, словно нашкодившие кутята. Даже Эрулан на секунду замер, а потом посмотрел на девушку с удивлением и толикой уважения. Метонимия же продолжила допрос:

— Ты, в дырявом носке и одной галоше, говори, кто такой староста. Где он живет?

— Староста — он самый главный у нас. Живет он в центральном доме, прямо в низине. Не бейте его, пожалуйста, — промямлил мальчик и снова затих.

— Никто не собирается его бить, — сказал Эрулан, — Мы пришли, чтобы узнать, обменяете ли вы шкуры зайцев на что-нибудь съестное и можно ли ночь у вас переждать.

— С обменом это только к старосте, — отвечал мальчик, поглядывая на Метонимию, — а спать можно где угодно. К любому зайди и спроси.

— Спасибо, а теперь бегите отсюда, — Эрулан опустил детей на землю и те сразу же воспользовались его советом. Они умчались за ближайший дом и стали наблюдать оттуда, за странными гостями, изредка о чем-то переговариваясь.

Парень с девушкой направились к домику, что был расположен в центре поселения. Строение не отличалось повышенной плотностью или крепостью стен и крыши, однако было чуть выше и шире прочих развалюх. Быть может человек, что строил его изначально планировал трехэтажное или четырехэтажное здание. Стучать не пришлось, потому как хозяин дома вышел сам навстречу гостям. Это был невысокий, одноглазый старик с деревянной кривой клюкой, на которую он опирался при каждом шаге.

— Кто вы такие? Чего надо? — первым задал он вопрос, рассматривая путников.

— День добрый, — ответил ему Эрулан, — Мы бы хотели остаться на ночь, и по возможности обменять пару шкур зайцев.

— Оставляйтесь, если надо, — сказал старик, — А насчёт зайцев надо подумать? Не знаю, смогу найти что-нибудь на обмен. Покажи, что там у тебя?

— Да, вот смотри, — парень показал ему свой товар, и они принялись обсуждать, что старик сможет отдать ему взамен. Найдя приемлемую цену после минуты обсуждений и торга, путнику остались в доме у старика.

Солнце в этой местности почти не появлялось, оттого казалось, что здесь всегда вечер, а когда приходила ночь, то она особенно плотно укутывала всё кругом в покрывало темноты. Постройки сливались в одну сплошную массу, и можно было легко врезаться в угол дома и споткнуться об выросший словно из земли забор.

Эрулан вышел во двор, где старик сидел около костра и рассказывал детям, занявшим места по округу, истории. Парень прислушался к словам старосты.

— Каждый, кто в лес идёт, должен помнить, что прежде всего хозяин леса медведь, а потому надо уважать его и не таскать много оттуда, чтобы он не рассердился. Охотиться идёшь, так половину оставляй, а если рубить лес идёшь, то сначала спроси у дерева разрешения и прощения. Отнимаешь ты часть от целого, а потому должен ты помнить это, — много всего говорил ещё старик, пока дети не стали засыпать и их не забрали родители. В этот момент Эрулан подсел к нему, заменив собой маленьких непослушных сорванцов.

— Дедушка, ты видно многое знаешь и многое видел, не подскажешь мне что это такое? — сказал парень и показал ему жемчужину и прозрачный кристалл, что дали ему перед уходом. Он долгое время ломал голову над способом как можно было использовать эти чудесные вещи.

— Не знаю, что это такое, — ответил тот, рассматривая красивые камни, — Очень уж они необычные. Этот похож на жемчужину, но не бывает таких красивых и чудных. А этот словно кусочек сахара, также уж больно большой и загадочный. Попробуй поспрашивать у гриболюдей. Живут они в лесу, недалеко отсюда. День дороги, если не заблудишься. Выйдешь на поляну, заросшую грибами разными. Там они словно деревья и в каждом живет по старичку-грибовичку. Они весь лес знают и что-то да подскажут тебе. А другим людям не показывай этих камней, потому как ценными они выглядят очень.

Эрулан спрятал сокровища, которые оставили ему родители, и оглядываясь по сторонам решил узнать, что не так с этим местом.

— Дедушка, отчего у вас село такое темное и бедное? — спросил парень, — Ты, как человек опытный и повидавший всякое, говоришь умные и верные слова своей молодежи. Так почему же дела не улучшаются у вас?

Старик перевел взгляд с догоравшего костра на юношу, а потом обратно. Он ворошил угли и недогоревшие дрова палкой, отчего в воздух взлетали искры и пепел. Они пытались было подняться выше, но из-за отсутствия ветра снова падали вниз, истлевая и исчезая в сумраке ночи. Староста выдохнул и заговорил с гостем:

— Всё очень просто и очень грустно. Дело в жадности.

— Жадность? — переспросила Метонимия, что только что вышла из дома. Она была закутана в дырявый плед, который еле как справлялся с задачей поддержания тепла.

— Да, — продолжил старик, не оборачиваясь, — Жадность людей. Так как вы пришли с главной дороги, то должно быть уже были в другом селе и видели его жителей. Это давнишняя история, но так как вы не спешите, то послушайте мои уставшие кости.

Девушка подсела к костру и держала в руках кружку с горячей водой. Это оказалась единственная жидкость, что она смогла найти. Изредка она смотрела на Эрулана, лицо которого в бликах от огня выглядело еще мужественнее и четче.

— Началось всё это больше двух веков назад. Жил-был богатый мужик, у которого было два сына. Любил он их одинаково и всегда помогал в делах, чем мог. Но как листва падает с ветви в свой срок, так и жизнь его подошла к концу. Сказал он младшему сыну, что в последний момент был с ним, что всё нажитое добро делится поровну, между братьями. Умер он в тот же вечер и похоронили его сразу же. Через неделю приехал старший сын, который уезжал в другое село по делам, однако встретил его только брат и сказал с порога, что отец перед смертью признался будто по-разному детей своих любил и разделил богатство тоже по-разному. Младшему достаётся большая часть земель, а старшему отходит только недостроенная избушка недалеко, чтобы тот не жил на улице как собака. Поверил в эти слова старший и ушёл жить туда. Перевез он вещи туда жену свою и детей, попытался жить и трудиться, однако лес, из которого мог бы он построить новый дом, принадлежал младшему брату. Каждый раз, чтобы получить бревно или пойти охотиться, приходилось старшему спрашивать разрешения. Чтобы получить что-то надо было работать у младшего, получая за целый день пару медяков.

— Но неужели не было никого, кто не возмутился такому? — спросила Метонимия, сжимая в руках кружку. В глазах ее мелькали искры от костра.

— Нет. Старший сказал всем, кто был рядом, чтобы никогда не шли они войной на младшего брата. Он верил, что всего можно добиться упорством и трудом, — голос старика моментами утихал, а потом возвращался к прежней громкости, словно волна, бьющаяся о берег, — Так старший и прожил всю свою жизнь, работая на младшего и выпрашивая каждый гвоздь и палку. Однако за годы он смог построить село, которое вы видите вокруг. Всем этим домам больше двухсот лет и нет здесь новых построек. Младший же при помощи усилий старшего построил своё село и проложил к нему дорогу. Красивым и ровным стало то село, потому как не жалели на него ни сил, ни времени, ни денег. Слава большая прошла среди торговцем о нем, потому ездят они туда часто. Золото и серебро там лишь в ходу. До самой смерти мастери

старший брат, а перед тем, как испустил последний вздох, сказал только, что знает правду, но очень любит младшего и ни в чем его не винит. С тех пор мы так и живём по завету моего деда: работаем, бережем близких и не виним никого в наших бедах и несчастиях.

Старик медленно поднялся и принялся тушить угли. Он засыпал их землей, так что пыль поднялась вокруг. Откашлявшись, он повернулся к слушателям лицом:

— Спасибо, что выслушали историю этого глупого старика. Для меня в последнее время становится всё приятнее, когда молодежь не перебивает и относится с уважением. Люди у нас добрые, но очень уж устают на работе целыми днями, а потому и ругаются часто и бранятся со всеми. Сами мы привыкли, а вот другим людям бывает неприятно. Вы не принимайте это близко к сердцу.

Он неспешно зашел в свой ветхий домик. Метонимия смотрела на худую и горбатую спину. Сквозь тонкую ткань рубахи проступали кривые кости, а на руках словно скрипела кожа, стянутая от мозолей и шрамов. По ней было видно, что человек трудился всю жизнь, не прятался и не убегал от работы, какой бы тяжелой та не была и сколь малую оплату за неё не предлагали. Скорее всего такая же спина будет у тех мальчишек, которых она сегодня встретила. Молодые тела и кости в них очень податливы.

— Пойдём, — обратился к ней Эрулан, — нам тоже пора уж ложиться спать.

— Постой! — неожиданно громко даже для самой себя сказала девушка, — Посмотри на них. Всё это неправильно. Как они могут так жить? Они выживают тут, словно кучка рабов и так будет с каждым следующим поколением. Это ужасно! Быть может, здесь замешана какая-то сила: нечисть, дух или зверь лютей, которого они не смогли опознать? Помоги им пожалуйста, ты ведь сильный и способен на это.

Эрулан остановился и еще раз посмотрел на уже потухший костёр. Сейчас от него перестали взлетать даже одинокие искры. Согревающего жара и тепла не было, как не было и света. Если бы девушка подошла ближе, то увидела тень печали на его лице, однако густая тьма ночи всё скрыла. Парень ответил, спокойным и ровным голосом, который часто слышал от дедушки:

— Не всегда в бедах людей виноваты чудища и духи. Что ты мне предлагаешь сделать? Пойти нарубить лес без чужого разрешения? Выселить людей из их домов? Увести жителей этой деревни в другое место? Пойти войной на других людей?

Девушка не смогла ответить ни на один из его вопросов. В затхлом воздухе повисла удушающая тишина, прерываемая редким, собачим лаем.

— Дедушка учил, что бывает такое, когда даже самая большая сила не способна сломить стены, что люди воздвигли в своих сердцах. Пойдём спать. Завтра стоит выйти в путь пораньше, — сказал Эрулан.

Юноша зашёл в дом. По дороге пару раз ударившись об стену и низкий потолок, он добрался до своего спального места и провалился в глубокий сон до рассвета. Метонимия же стояла в темноте, сжимая в темноте кулаки до бела и шептала:

— У тебя есть такая сила, но ты умеешь только ловить на живца лесных уродов...

Слова просачивались в затхлый воздух, но также как одинокие искры от костра таяли и исчезали, подпитываемые только раздражением и печалью от чувства бессилия девушки.

Встав с зарей, Эрулан собрал свои вещи и в сопровождении Метонимии отправился дальше. Они не обменялись и словом пока шли. На выходе из низины на границе деревни, где холм, снова выравнивался, а дорога становилась ровной и чистой, юноша обернулся. Он смотрел на старое село, людей, что будут работать до самой смерти, длинные и кривые улицы, детей, играющих в пыли. Он думал, что, возможно, когда-нибудь здесь что-то изменится. Вот только когда — и изменится ли вообще — было ему неизвестно.

— Ты идешь? — спросила его нетерпеливым голосом девушка, которая не хотела и лишней минуты оставаться в этом месте.

— Да, — коротко ответил парень и пнул камень, притаившийся у дороги. Они направились дальше, к первой полученной им зацепке, что должна была привести к его родителям.

Глава 7

Эрулан и Метонимия шли по дороге, которая стелилась под их ногами словно ковер. Погода была отличная: редкие облака закрывали солнце, радуя путников легкой тенью и минутной прохладой. Вместе с ветром прилетали песни лесных птиц. Мотив их отличался от луговых, полевых и сельских певцов. Каждый исполнитель старался придать что-то новое мелодии, дабы пернатая красавица смогла заметить именно его, а в дальнейшем и выбрать партнёром для рождения малышей.

— Ух, как стараются, — заметил Эрулан, — небось скоро начнут гнезда вить.

— Да, очень красиво, — подтвердила Метонимия, вслушиваясь в мотив. Она перехватила цитру и стала играть в мотив. Её волосы чуть колыхал ветер, а потому она могла сойти за прелестную нимфу, не будь её тело столь реально. Она начала петь в непривычном для неё ритме:

Цвести помогут пчелы,
Цветам давая сок.
Они давно готовы
Собратся в девичий венок.

Увидишь над главою
Прекрасны лепестки.
Я! И мы с тобою
Станцуем вопреки.

Сомнения оставив,
Ты вспомнишь поцелуй
Мой любимый парень -
Мой муж станцуй со мной.

Девушка играла, а птицы подпевали ей. Казалась сама природа решила на время оставить все хлопоты и лечь на девичьи губы звуками песни. Ветер вновь и вновь покачивал траву и менял направление, будто заставляя колоски дрожать и волноваться в молчаливом танце, что они исполняют сегодня впервые пред небом и землёй. Девушка продолжала:

— Когда ты вдруг услышишь
Как шмель жужжит в пыльце...

Но закончить она не смогла, потому что по лесу разнёсся рык дикого зверя. Сразу же птицы замолчали и всё вокруг погрузилось в тишину. Ни муравей, ни синичка, ни заяц, ни олень не смели издать и звука, дабы не спровоцировать и не навести на свой след хищника. Эрулан прижал пальцами струны цитры, отчего та на мгновение издала неприятный вой:

— Это медведь — хозяин леса. Но звук какой-то странный, разбитый и смешанный. Не пойму, в чём именно дело. Лучше нам будет укрыться. Пойдем скорее.

Он повел девушку по пыльной дороге, моментами переходя на бег. В первый раз девушку почувствовала смутное чувство тревоги, а потому приготовилась к сражению, но внутри понимала, что мало чем сможет помочь. Она видела своими глазами насколько могуч и силен её спутник. Она вспомнила о ножичке, что хранился у неё в основание сапог, но тот был не более чем крайней мерой и точно не спас бы её от лесного хищника, будь это лиса или волк, а тем более медведь. Она не могла описать это ощущение, но когда волновался парень, то волновалась и она, а когда юноша не выражал беспокойства, то и внутри неё было тихо, словно во время морского штиля, ни одна струна её души не звенела от тревоги или страха.

Спустя час ускоренного шага Эрулан предложил сделать небольшой перерыв. Девушка сразу же упала на траву и попыталась отдышаться: сердце всё еще бешено стучало, а легкие жгло. Под руками была колющаяся свежая трава, а над ней висели еле колышущиеся верхушки сосен. Они снова были на окраине леса и это навевало неприятные воспоминания.

— На нас ведь снова не нападёт шурале? — спросила она.

— Что? — переспросил парень.

— Мы пришли к лесу, а значит тут, может быть, этот мерзкий шурале? Он не нападёт на нас, если мы войдём в лес по тропинке?

— Нет, — уверенно сказал Эрулан, — Дух-проказник бывает не в каждом лесу, а в этом уже есть ужасно свирепый хищник. Он бы не позволил шурале здесь обосноваться.

— Ну ладно, — сказала девушка. Она решила, что успеет попить, пока она отдыхают, а потому сейчас откупоривала бурдюк с водой, что они взяли у дедушки в селе. Вода была холодная и свежесть сразу разливалась по её телу, смывая запоздалое чувство усталости и страха.

— А здорово ты мальчишек тех приструнила. Я даже не ожидал, — похвалил парень, — Где это ты такому научилась?

— Ага, тренировка, — ответила девушка и закатила глаза в сторону, — Тренировалась каждый день с младшими своими. Или ты думаешь я от счастливой и безбедной жизни решила податься в барды? Отец мой помер, когда мне еще трех лет не было, а потому мать решила не терять зря времени и нашла другого мужика. Однако и он не продержался долго, а только лишь оставил после себя три рта. И так снова и снова, пока все мужчины в нашей деревне и паре соседних не стали шутаться и бежать от матери с четырнадцатью детьми за пазухой. Мне как старшей пришлось сидеть и контролировать всё это буйство и постоянно перекрикивать галдёж. Так что голос появился и выработался сам собой. Ну, а когда мать умерла, не выдержав муки одиночества, то всех братьев разобрали по домам соседи, лишних рук не бывает, сам понимаешь. А вот мне места уже не нашлось. Так что с первым же караваном, я оставила всё позади и двинулась навстречу судьбе и свободе.

— Повезло тебе, — сказал Эрулан, после слов девушки, — даже после смерти родителей у тебя останутся родные люди, которые будут любить и помнить тебя. Береги память о них.

Девушка перевела на юношу удивленный взгляд. Она никогда не думала о своей жизни так. Её всегда бесило, что приходилось делиться с кем-то едой, одеялом и вещами, а потому она хотела найти того, кто смог бы дать ей всё, что она бы попросила, кто защитил бы её от всех опасностей, кто никогда бы не оставил её. Но сейчас она вдруг поняла, что где-то там, за сотни и сотни верст отсюда, за лесами, полями и реками есть её братья, что помнят о ней и быть может ждут её, даже после стольких лет.

— Ты странный, — сказала она и улыбнулась.

В этот момент раздался дикий рёв. Он был ближе и громче. Зверь шел по следу и не собирался отпускать их так просто. Эрулан снял с себя пояс и намотал его на кулаки. Он обдумывал как ему лучше всего начать бой и что сделать. Он уже увел медведя в удобное место, но не знал, хватит ли этого. Шанс у него есть, а потому им надо воспользоваться сполна.

Звук становился сильнее и свирепее, пока с треском и грохотом от поваленных прогнивших деревьев на тропинку не вырвался огромный зверь. Медведь был куда больше его собратьев. Он достигал сажени в холке, имел светло-бурый окрас и весил должно быть не меньше двух тонн. Зверь представлял из себя орудие для забоя и пожирания любого животного, что попадалось ему на пути. Толстые конечности походили на стволы деревьев.

Однако, чего Эрулан не ожидал увидеть — так это наличие двух голов на одном теле. Две здоровенные, ревущие, пускающие слюни пасти, в каждой из которых торчали клыки не меньше пяди длиной. Они походили больше на кинжалы охотников, нежели на зубы животного.

Косолапый остановился на мгновения, принохиваясь, и сразу же бросился в сторону путников. Эрулан закричал во всё горло и побежал навстречу:

— Ну давай! Покажи на что способен!

Они быстро сблизились, и медведь попытался укусить своей левой головой, но юноша легко уклонился и нанёс удар кулаком в челюсть. Не ожидавшее ответного удара животное споткнулось и завалилось на бок, при этом покотившись боком. Оправившись от потрясения, зверь снова встал и бросился за обидчиком. Парень в этот раз не решился нападать в лоб, а убежал в сторону леса, уводя косолапого куда ему было нужно. Зверь очень легко догонял парня. Перед его глазами мелькало тельце этого надоедливое таракана, и он уже чувствовал, как разорвёт его, а теплая и солёная кровь польётся в пасть утоляя дикую жажду и ярость.

Вдруг назойливый обидчик прыгнул вперед, проскочив между стволов деревьев странного вида и конструкции. Медведь уже не успевал затормозить и потому влетел на всей скорости в деревья. Инерции хватило ровно настолько, что обе головы прошли вперед, а тело осталось позади.

Эрулан сразу же воспользовался моментом. Он подскочил и резкими, точными движениями начал разматывать пояс на руках, при этом стягивая его на лапах и головах медведя. Он проделывал всё это так ловко и скоро, что казался пауком, поймавшем жирную и толстую муху в свои сети. Парень связал конечности зверя и уселся на него сверху, постепенно затягивая узел, отчего зверь сразу же захрипел. Косолапый не мог бороться с врагом, потому как ему пришлось бы вырвать дерево целиком, стоя лишь на одной задней ноге, при этом с каждой секундой теряя всё больше и больше драгоценного воздуха. Когда в бешенных глазах померкло сознание, медведь упал на пузо и тихо засопел.

— Ого, как ты его! — осторожно подходя сбоку к связанному и неподвижному зверю, сказала Метонимия, — Он ведь не вырвется?

— Неа, — ответил парень, удерживая в руках концы пояса, — Только вот не знаю, что дальше делать? Убивать жалко, но и здесь связанным его я оставить не могу. Что думаешь?

— Давай подождём, пока он очнется, — предложила девушка, — А как здорово ты его поймал. И даже дерево нашлось удачное! Стой...

Девушка начала оглядываться и смотреть по сторонам. Слишком уж место было хорошее, чтобы быть случайным. Она поймала взгляд, а затем и улыбку парня, и её словно поразила молния:

— Так ты именно это место искал, чтобы поймать медведя?

— Что-то вроде того, — ответил ей юноша, сидя поверх зверя, — Убежать от него мы бы точно не смогли, а возвращаться в деревню мне не хотелось, так что я решил изловить хозяина леса. Получилось же!

— Это да, — сказала девушка, косо смотря на огромную спящую тушу, — получилось.

Глава 8

Через полчаса, как только медведь очнулся, он начал реветь одной из голов и брыкаться, пытаясь вырваться из захвата, что сильно напугало Метонимию. Однако зверю это не удалось. В это время очнулась вторая голова. Её изумрудные глаза смотрели на происходящее куда осознаннее и спокойнее. Она заговорила женским, мелодичным голосом:

— Ну и чего ты орёшь? Не видишь - нас поймали? Опять всё из-за тебя! Вот надо было гнаться за ними сквозь половину леса.

Первая голова перестала вхолостую реветь, но теперь будто отвечала рыком. Метонимия открыла рот и наблюдала за этой картиной, боясь моргать и шевелиться, но вот Эрулан не сводил глаз с чудного животного.

— Что? При чем здесь твои инстинкты? Да какая разница, кто главный в лесу? Ты всё равно ешь одних мотыльков, да рыбу перед зимой, — продолжала отчитывать одна голова другую, — Да, да, нет. С чего бы это лосось невкусный? Ты дурак?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.